

63.3(2)46

И54

ИСТОРИЯ
РОССИИ
И ДОМА
РОМАНОВЫХ
В МЕМУАРАХ
СОВРЕМЕННИКОВ
XVII - XX

**ИМПЕРИЯ
ПОСЛЕ ПЕТРА**
1725-1765

СА-261571

ИСТОРИЯ
РОССИИ
И ДОМА
РОМАНОВЫХ
В МЕМУАРАХ
СОВРЕМЕННИКОВ
XVII-XIX

КОНТРОЛЬНЫЙ ТИПОК
СРОКОВ ВВЕДЕНИЯ
КНИЖЕК В ПРОДАЖУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ
УДМУРЦИО СЭИЗ СРСА
С. ПЕТРОПАВЛОВСК

Яков Петрович ШАХОВСКОЙ
Василий Александрович НАЩОКИН
Иван Иванович НЕПЛЮЕВ

В ИЗДАВАХ
СОВРЕМЕННИКОВ
XVII-XIX

1991 г. 1000 экз. 1000-91

С. ПЕТРОПАВЛОВСК

СА 561

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСКУССТВ
М 1998

ИМПЕРИЯ ПОСЛЕ ПЕТРА

1725-1765

С. М. Соловьев

СА-261571
02

Москва 1998

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

**Иван Иванович
Неплюев
ЗАПИСКИ**

Родился я, Иван Неплюев, в 1693 году, ноября 5 числа, в воскресенье поутру, пополудни в 7 часов, в Новгородском уезде, в усадище Наволоке.

По неудачном под Нарву приступе отец мой, Иван Никитич, был при одном случае на службе и, возвратясь в дом, занемог, от которой болезни в 1709 июля 10-го умер, в среду поутру, на 38 году от рождения своего, оставя по себе одного меня, сына 16 лет, и недвижимого имения 80 душ.

Женился я по воле матери моей 1711 года сентября 9 дня, в воскресенье, на племяннице родной новгородского наместника Ивана Юрьевича Татищева, девице Федосье Федоровне Татищевой, получа за нею в приданое с небольшим 20 душ.

В 1712 году, августа месяца 19 дня, во вторник, родился мне сын, Адриан, в том же Новгородском уезде, в селе Поддубье*.

В 1713-м, ноября месяца, оставив жену мою беременну, отшел я по обещанию в монастырь.

В 1714 году, июля 14 дня, в четверток, родилась в мое отсутствие дочь Марья**.

1715-го, марта в первых числах, возвратился я в дом свой и в том же марте месяце взят на службу и, быв на смотре марта в 24 день у князя Меньщикова, написан в число назначенных обучаться в Новгород начальных оснований математики.

Того ж года, июня в 29 день, присланным в Новгород указом повелено: выбрав 84 человека из тех начавших обучаться, отправить в Нарвскую школу, в которой учителем был навигатор Митрофан Михайлов, сын Кашинцов, а директорами над оной были обер-комендант Кирила Алексеевич Нарышкин, комендант Василий Григорьевич Титов.

В том же 1715 году, мая 4 дня во вторник, умерла в отсутствие мое мать моя Марфа Петровна, по отце из фамилии князей Мышецких, от рождения своего 43 лет.

Того же года, октября 1 дня, по присланному указу перевели нас всех в школу в Санкт-Петербург, которой школы был содержа-

* Который от рождения своего на 38 году, будучи статским советником и резидентом в Константинополе, в 1750 году ноября 8 дня скончался. — *Примеч. авт.*

** Которая, быв в замужестве за вице-адмиралом Римским-Корсаковым, оставшись после его вдовою, в 1769 году скончалась. — *Примеч. авт.*

телем француз Баро; она была под ведением адмирала Федора Матвеевича Апраксина и генерал-майора и обер-штер-кригс-комиссара Григорья Петровича Чернышева; потом она поручена была Андрею Артамоновичу Матвееву. В той школе было нас обучающихся 300 человек.

1716-го, по указу царского величества, велено выбрать из той школы 20 человек и отослать в Ревель ко флоту, в числе коих был и я, Неплюев. На дорогу каждому из нас дано по 30 рублей. А жена моя осталась беременною и 1 числа родила сына Ивана.

По прибытии нашем в Ревель, марта 31 дня, определены мы адмиралом во флот гардемаринами, при чем выданы нам из казны парусинные бостроки, а жалованья определено на месяц по 2 рубля по 40 копеек; порция ж производилась нам: сухарей по 2 пуда по 10 фунтов каждому, гороху по 15 фунтов, круп по 15 фунтов, соли 2 фунта с четвертью, муки ржаной на квас один четверик, вина 25 чарок, уксусу полторы кружки, рыбы вялой по 6 фунтов, ветчины по 19 фунтов.

Апреля первого дня определен я на корабль *Архангела Михаила*, на коем капитан был англичанин Рю, а со мною на том же корабле были гардемарины: Василий Квашнин-Самарин, Василий Татищев, Семен Дубровский, Степан Коновницын, Семен Мордвинов, Ефим Цимерманов, Петр Кашкин, Иван Алексеев, Петр Порохов и Алексей Арбузов. Тот корабль *Архангела Михаила* был о 52 пушках, в воде ходу $16\frac{1}{2}$ фут; матросов на нем было 300, солдат 200 человек.

Апреля 17 дня выплыли мы из гавани.

В мае 19 числа выступили в поход под команду капитан-командора Сиверса к Копенгагену.

29 числа того же месяца от острова Борнгольма принуждены были поворотиться, потому что шведский флот лежал у острова Ругена.

Июня 30 дня прислан от его царского величества капитан Румянцев с указом, дабы флоту неотменно плыть в Копенгаген, почему оный от Ревеля опять в путь отбыл, а в сей эскадре находились корабли следующие: *Ингермоландия*, *Екатерина*, *Полтава*, *Михаил*, *Гавриил*, *Рафаил*, *Фортуна*, *Арендель*, *Илия*, *Иланедоф*.

Июля 18 дня остановились мы в виду Копенгагена и бросили якорь, и того же числа соизволил приехать его царское величество к нам на флот и был некоторое время у командора на корабле *Екатерины*.

19 числа приезжал к нам вторично и, сев на корабль *Ингермоландию*, поплыл весь флот ближе к Копенгагену, и стали на якорю против оногo, а там уже находилось 12 новых наших кораблей, пришедших от города Архангельского, где оные прибытия нашей эскадры ожидали. В то ж время тут же на рейде были 6 голландских военных

кораблей при их командире и 15 английских при их адмирале, и множество купеческих.

Августа 5 дня его царское величество повелел на корабле своем поднять императорский штандарт, при чем с того же корабля выпалено из 27 пушек; равные ж сему выстрелы и со всех наших кораблей производились, чему последовали как датские, так английские и голландские военные корабли. И все наши, как и иностранных наций, военные и купеческие корабли выступали от Копенгагена в поход под команду его царского величества. Доплыв до Боригольма, бросили якоря, откуда голландские военные и торговые корабли отпущены в Ревель.

Того ж августа 14 дня повелел его царское величество снять императорский штандарт и, выпалив притом из одной пушки, возвратился на корабль *Ингермоландия* в Копенгаген, а в конвое за ним отправились корабли *Фортуна* и *Арендель*; прочие ж наши корабли перешли под шведский берег и стояли при оном до 2 числа сентября, которого прислано повеление всем нашим кораблям приближаться к Копенгагену.

28 числа того ж месяца его царское величество, будучи на корабле *Ингермоландии*, изволил смотреть всех нас, гардемаринов, и выбрал для посылки в Венецию (в числе коих находился и я, Неплюев) 30 человек для обучения мореплаванию на галерах да во Францию для обучения мореплаванию на кораблях 20 человек, туда ж для обучения архитектуры 4 человека.

29 числа перевезли всех нас, выбранных с кораблей, в Копенгаген, где его величество повелел послу своему, князю Василию Лукичу Долгорукому, выдать нам на дорогу по 6 ефимков сверх прежнего жалованья и отправить в Амстердам, а сам изволил отбыть, и с ее величеством государыней царицей, в Голландию.

Августа в последних числах отшедшие от нашего флота голландские корабли возвратились обратно из Ревеля, почему мы 2 числа октября отправлены флота того к командору, именуемому Граве, который находился на военном корабле *Бутлер*, а тот был о 64 пушках. Командор приказал нас разделить по всем своим кораблям; я достался на корабль 52-пушечный *Браколь*; капитан на том корабле назывался *Флозбек*, а всех людей было 270 человек, и с офицерами.

14 числа отплыли мы в море 20 миль, а потом, за противным ветром, стали на якоре близ датского берега и против шведского города Готенбурга, где, простояв трои сутки, принуждены были назад повернуться к Гельзенгеру (а между тем шведский капер взял в полон 3 купеческих голландских судна), где мы, простояв до 26 числа и не надеясь получить способного ветра, послали от нашей компании Петра Салтыкова в Копенгаген просить от посла дозволения

ехать в Голландию сухим путем, что нам было дозволено, с тем чтобы ехали, буде пожелаем, на своем коште. Будучи на голландских кораблях, платили мы за пищу каждый на неделю по полтора ефимка, а за порцию выдано нам было деньгами.

27 числа перебрались мы с кораблей на берег и, получив пашпорт, выехали из Копенгагена на почте. Накануне ж нашего отъезда бежал от нас один из наших товарищей, Кастюрин, в датскую службу, в солдаты. На каждой почтовой фуре сидело нас по 4 человека и, уговорясь с датским почтмейстером, заплатили ему до Гамбурга по 15 рейхстарелов с каждого, с тем чтоб как довести до оно-го города, так и в пути кормить в сутки по однажды, а за постой и ни за какие другие расходы более ничего не требовать. Путь наш был через Голштинию.

В Гамбург прибыли мы 11 числа того ж месяца. В Гамбурге за квартиры платили мы на сутки каждый по две гривны и, наняв тут подводы до Амстердама, с каждого человека по 12 ефимков, кроме пищи, выехали 15 числа.

В Амстердам прибыли мы декабря 27 числа и немедленно явились у его царского величества.

1717 года генваря с 1 числа соизволил он определить нам на каждого человека кормовых денег по червонному на неделю, которых денег нам на пищу и довольно было, а за квартиру платили мы каждый на неделю по 20 алтын. При его величестве тогда в Амстердаме были министры: Гаврила Иванович Головкин, Петр Андреевич Толстой, Петр Павлович Шафиров, посол князь Борис Иванович Куракин, генерал-лейтенант и кавалер князь Василий Володимирович Долгорукий, генерал-лейтенант же Иван Иванович Бутурлин, его царского величества кабинет-секретарь Алексей Макаров да Московского денежного двора комиссар Тимофей Тимофеев сын Левкин, а по простому прозванию Топор, а был он для продажи государевых припасов.

Февраля 8 числа послано нас в Венецию 27 человек, и двух изволил оставить в Амстердаме, а третий, Иван Воробьев, в Амстердаме умер. На дорогу дано нам по 25 червонных каждому; с нами послан указ к агенту в Венецию, за рукою Шафирова, и паспорт, за рукою агента Фандебурга.

В Венецию прибыли мы 23 числа, издержав в пути каждый на все расходы и на пищу по 24 червонных, — где явились у господина агента Петра Ивановича Беклемишева. А в то же время в Венеции находился его царского величества тайный советник Савва Владиславович Рагузинский.

Мая 10 дня Венецианская республика, по старанию его, агента, определила нас в свою службу, и дан был указ в определении во

флот генерал-капитану, с коим нас к оному и отправили. На пищу в пути дал нам агент 20 цехинов.

Мая 30 числа прибыли мы в Корфу и тут на имя агента заняли у грека Арсения Квартана 80 цехинов.

Июня 1 дня подали мы от республики Венецианской указ генерал-капитану, который, по прочтении оного, объявил нам, что он прикажет принять нас на галеры по два человека, и чтоб мы дали ему известие, кто с кем на галере быть желает; почему я и определен на галеру, именуемую *Жентела*, с Васильем Татищевым, а из нашей компании три человека: Шипилов, Аничков и Абрютин — остались на галерах. В *Жентеле* пушек было 21, весел 50; конданадов, скованных для гребли, было 200, матросов 15 человек; на ней же один писарь, который был вместо комиссара, лекарь один, унтер-офицеров морских 2, комит 1, карон 1, песта 1, подкомит, парондин 1, капо-дапо-школя 1, который имел команду над конданадами, солдат итальянцев 64 человека, при них капитан 1, подпоручик 1, прапорщик 1, славян 18 человек, при них два прапорщика. Флот состоял из 19 галер венецианских, 9 галиотов, 6 фуст, 4 бригантин; папезских галер было 4, мальтийских 5, флорентинских 2 галеры; мальтийский генерал шел с своими по правую сторону генерал-капитана, а венецианские галеры по левую. Сверх того, при нашем флоте было португальских 7 кораблей, мальтийских 2, венецианский 1. О вояже нашем, бывшем в сем походе, описано мною пространнее в особом журнале.

1718-го генваря 10-го князь Михайла княж Андреев сын Прозоровский бежал от нас с иеромонахом Филиппом, монастыря Святого Павла, бывшим в Корфу для собирания милостыни, в Афонскую гору. Через некоторое время вышедший из турецкого плена россиянин Яков Иванов и бывший в той Афонской горе отдал нам от него, Прозоровского, письмо следующего содержания:

«Мои государи, предражайшие братия и други! Понуждающая мя ревность моя до вас и не оставляет усердия сердца моего любви вашей и приятности, сущие являемые многие в прешедшую довольную бытность мою всегда с вами конечно достойте забвению сие, ныне Господу моему тако Своими праведными судьбами изволившу устроить о моем недостойнстве; обаче от горячности любви моя к вам понудихся при отшествии моем от вас и отлучении сопребывания вас, моих предражайших друзей, сию малую хартию начертати, не яко да оскорбитесь о мне, но любовь да познаете, юже имех к вам; вас же молю любезно и прошу Самим Господом моим, да устроить тако и исполнить все яко же при сем конечная и последняя моя всепокорная просьба до вас явилась. Егда Господу содействующу и по воле Его Божеской благоволите получить неколикое число денег ко мне от отца моего, пожалуйте сотворите знамение совер-

шенная любви ваша со мною и не токмо ради моя сея до вас просьбы, но за любовь Бога, всех заповедавшего друг друга преискреннее любить и обещавшего Самому между оных пребывать и любви Его совершенной быти в нас; аще ты заповедь Его и заочно соблюдаем ко другу, вем, яко угодное Ему в том будем творити, за что оное мое слово повторяю и прошу: не точию меня ради самого, но и требующа сотворити милость в том святому монастырю преподобного отца Павла Афонского, которого молитвами да дарует вам Господь Всемилостивый во всем богатую Свою милость. А наипаче всех тебя прошу о том, мой государь и прелюбезный друг Семен Леонтьевич, изволь по своей ко мне являемая прежняя любви и сущия приятности оныя мои деньги препроводити, улуча некий благоприятный случай с приключаящимися некоторыми корабельники, хотящими путь свой иметь до наших Святыя Афонския горы, а наибольше согласясь о той посылке с Яковом, который вам сие письмо мое вручит; а он, надеюсь, в том вашей милости учинит помощь совершенную в оном. О деньгах так же прошу все по росписи моей, которую я дам ему за деньги его; по той упомянутой все пожалуйста ради Самого Бога, не издержав ничего от того, соизволите отдать, в чем на вашу милость и приятность остаюсь во благой надежде. О мне ж всепокорно молю, да не возымеете яковую скорбь или сомнение о мне, понеже бо отлучихся от всех вас без всякого вашего о том совета, хотящему всем человекам спастися сицевым образом, и о мне содеявшу, да не вяжете вам скорбь на скорбь очевидным разлучением с вами и некоторым сетованием, но сугубо прошу и усердием моего сердца молю купно всех моих предражайших друзей и прелюбезных клевет. А еще кого в чем оскорбил или прогневал кого из вас буйством моим и невежеством во время моего пребывания с вами, да оставите весь оный долг мой за послушание и за исполнение глаголющего: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». При всех сих препоручая вас Богу, в Троице единому, изливающему благодать Свою изобильно на вся человеки, Который есть Всевидящее Око, а еще провидя каждого человека ревность и желание ко благу от младенства суще, устрояет по судьбам Своим праведным оное ко исполнению и совершению во время Своея к тому содействительная божественная воли содевати, якоже и ныне и на мне сотворив, не отринув прошения моего и всегдашнего сердца моего желания, не лишив мя, на Него же и во всем и во веки уповаю и благодарю Его сим о мне неизреченную отеческую благость; желаю вам всем, при окончании моего писания сего, от Господа во многие лета во благосостоятельном здравии пребывать, и дабы Царь царствующих и Господь господствующих сподобил вас коегождо во изрядном веселии присных своих родителей, по возвращении вашем в отечество, лицом к лицу видети и в

радостном пребывании завсегда быти, при котором моем до вас желании сущем остаюся препокорным к вам, моим милостивым приятелям и прелюбезным друзьям, слугою князь Михайло Прозоровской, а Богу соозволившу во иноцех недостойный Сергей, должное мое поклонение купно всем вам пресмирренно отдаю».

О всем вышеписанном донесли мы господину агенту Беклемишеву.

17 числа увидели мы из печатных авизий*, что государь царевич Алексей Петрович поехал из Неаполя в Петербург.

23 февраля фельдмаршал на галере *Дунае* поехал от Корфу в Превезу.

Марта 4 числа, на первом часу дня, нашли мы на улице российского гардемарина Василья Федоровича Квашина-Самарина заколота шпагою, а кто его заколол, того хотя никто и не видел, но явились многие прилики на нашем же гардемарине Алексее Афанасьеве сыне Арбузове. И по тем приликам я, Иван Неплюев, со всеми своими товарищами его, Арбузова, отдали под караул и донесли о сем генерал-капитану; почему он приказал Арбузова отвезть на галеру и, сковав в железо, держать под караулом, а наш словесный извет записать в канцелярии. Тело убитого Самарина погребли мы в тот же день при церкви Святого Спиридона; а потом Арбузов был допрашиван и осматриван; а что в допросах он и другие показали и в коей силе, мы о сем писали к господину агенту, то значит ниже сего.

*Копия с письма нашего
к господину агенту Беклемишеву*

«Милостивый к нам государь Петр Иванович! Доносим вашему благородию: сего марта 4 числа, на первом часу дни, пришел на квартиру к Ивану Алексеевичу солдатский капрал и сказал, что ваш-де один русский дворянин лежит заколот на улице, а кто его заколол, того я не ведаю. И по оным словам Иван Алексеев с товарищи своими Петром Пороховым и Алексеем Белосельским пошли на оное место и пришел увидели, что лежит заколот наш гардемарин Василий Федоров сын Квашин-Самарин, а снято у него только парук, шпага, шляпа, запонки и пряжка от башмаков, — о чем они объявили по другим нашим квартирам. И Иван Алексеев в другой раз пришел с Иваном Неплюевым к телу Василия Самарина; тут же был и Алексей Арбузов и некоторые офицеры и солдаты, и тогда Иван Неплюев разодрал на мертвом рубашку и, подняв его за голову для осмотра ран, увидел рану в правом боку близ груди, и в той ране его нашли шпажной конец клинка. Потом собрались и другие наши товарищи, и Алексей Арбузов говорил всем, что «вечер-де он, Васи-

* *Avviso (итал.)* — известие. — Здесь и далее примеч. Л. Н. Майкова.

лий Самарин, был со мною в редуте*, и вышли-де мы из редута вместе в 3 часу ночи и, на дороге с ним разлучась, пошли на свои квартиры, а кто его, Василья, заколол, про то он, Алексей, не ведает». И потом с того места тело мертвое перенесли на квартиру его, Васильеву, и доложили в канцелярию; а из канцелярии прислан был подьячий для осмотра мертвого тела, и тогда осмотрели на нем 7 ран шпажных. И потом поговорили мы меж собою все, чтоб нам собраться в один дом и показать друг другу свои шпаги, для всякого себе оправдания, что у всех ли целы клинки шпажные. И тогда Иван Павлов, сын Зиновьев, сказал: «Вечор-де, в 3 часу ночи, пришел на квартиру Алексей Арбузов и лег с нами спать» (понеже он, Иван, и брат его Петр Зиновьевы стояли тогда с ним, Алексеем, на одной квартире). Он же, Иван Зиновьев, сказал: «А сего-де утра Алексей Арбузов встал очень рано и замывал свой кафтан и полотенцом отирал руки и кафтан, и он, Иван, его, Алексея, спросил: «Чего ради ты, Алексей, замываешь свой кафтан?» И он, Алексей, сказал: «Вечор-де я был пьян и облил свой кафтан красным вином». И потом мы, Василий Татищев, Степан Коновницын, Ефим Цимерманов, Семен Дубровский, Иван Алексеев, Петр Порохов, Алексей Белосельский, Тимофей Щербатой, Иван Кайсаров, Иван Кукарин, Артемий Толбухин, Яков Рославлев, Иван Зиновьев, Петр Зиновьев и Алексей Арбузов, пошли на квартиру Ивана Алексеева и показывали друг другу свои шпаги. И как Алексей Арбузов вынял свою шпагу, тогда увидели все, что у его шпаги клинка конец отломлен и притачиван вновь, и тогда тот конец, который вынесли из раны у Самарина, примерили к его, Алексеевой, шпаге и к ножнам, и означило, что тот конец от его шпаги. И он, Алексей, сказал тогда, будто у него, как сломана шпага и приточена, тому прошло дней 15. И потом осмотрели на кафтане его, Алексея, наперед и на рубашке назади у ворота кровь. Потом пошли из той квартиры вон, и тогда мы, нижеподписавшиеся, поговорили меж собою, что явились на Алексея Арбузова многие прилики; и опасаясь гнева его царского величества, о сем умолчать мы не смели. И того ж часу мы, нижеподписавшиеся, Алексея Арбузова взяли, отдали под караул у градских ворот и донесли на словах господину генерал-капитану о Алексея Арбузове, и какне на нем явились прилики; и его превосходительство генерал-капитан Алексея Арбузова приказал взять и отвести на галеру и сковать в железа, где он, Алексей, и доньне сидит; а наш словесный извет приказал записать в канцелярию. И того ж часа шпага Алексея Арбузова и конец шпажный, который вынят из мертвого тела, приняты в канцелярию, а вышеписанные наши изветные слова записаны именем Ивана Неплюева. При оной записке его, Ивана Неплю-

* Ridotto (*амал.*) — игорный дом.

ева, допрашивали: бывали ль у Алексея Арбузова с Васильем Самариным наперед сего какие ссоры и драки или какие похвальные между ими слова; и он, Иван Неплюев, сказал, что у них наперед сего ссоры и драки были в Венеции, в Корфу сея зимы, и Алексей Арбузов после драки в Корфу говорил: «Ежели-де Василий Самарин напредки будет меня бить, то я его заколю, понеже я с ним драться не смогу». И того ж 4 числа, в 10 часу дня, Алексей Арбузов против вышеписанного нашего словесного извету допрашиван и осматриван, а что он, Арбузов, в допросе своем сказал, и что по осмотру на нем явилось, то явствует в деле. И того же числа, в 10 часу дни, Иван Павлов, сын Зиновьев, нашел на квартире своей то полотенце, которым Алексей Арбузов отирал свои руки и кафтан того утра, а то полотенце было в 6 местах в крови; и он, Иван, отдал то полотенце Василью Татищеву при свидетелях, и того ж часа оное полотенце взято к делу в канцелярию. Один балбир* грек сказал Ивану Неплюеву при свидетелях, что: «сего числа, на первом часу дни, пришел ко мне в лавку один ваш русский дворянин в зеленом кафтане и говорил мне, чтоб я ему заточил конец шпаги, а я ему ответствовал: «господин, весьма рано, не могу вам сего сделать для того, что не имею другого человека, кто б вертел точило»; и он мне сказал, что «я сам буду вертеть»; потом тот ваш московский дворянин вынял свою шпагу без конца и дал мне, а сам вертел точило, и я ему конец у шпаги приточил и взял с него за работу две шолты**». Потом Иван Неплюев оного балбира вышеписанные слова записал в канцелярии. Вышеписанный балбир в канцелярии допрашиван и в допросе своем не запирался. Потом Василий Татищев да Степан Коновницын допрашиваны были, по каким приликаим взяли Алексея Арбузова и отдали под караул и были ль у Алексея Арбузова с Васильем Самариным наперед сего какие ссоры и драки или какие похвальные между ими слова; и они в допросах своих сказали против вышеписанного. И о том же допрашиваны Андрей Сухотин да Ефим Цимерманов, и они в допросах своих сказали против того ж. 7 числа в том же допрашиван Семен Дубровский и все прочие, и они в допросах своих сказали то же. По всему вышепрописанному докладывали мы еще генерал-капитану 18 числа сего месяца, на что его превосходительство нам отвечал, что «сие дело еще не кончено, а когда окончится, тогда я прикажу вам дать знать». Апреля 1 числа уведомились мы, что генерал-капитан о сем происхождении писал в Венецию в сенат. Остаемся вашего благородия всепокорные слуги, гардемарины Иван Неплюев, Василий Татищев, Степан Коновницын, Семен Дубровский, Андрей Сухотин, Ефим Цимерманов. От Корфу, апреля 2 дня 1718 года».

* Barbieri (итал.) — цирюльник.

** Soldo (итал.) — копейка.

Выписка из экстракта по сему делу

«1. В допросе сиделец из трактира показал: Сего-де марта 3 числа были в трактире двое московских дворян, один в зеленом, а другой в сером кафтанах; сидя за особым столом, двое играли в карты, а в какую игру, того он не знает; денег у них на столе не было и крику между ими не происходило; а как пробило ночи 2 часа, то один другому махнув рукою, пошли вместе, а куда, того он не ведает.

2. Жители у того места, где найдено мертвое тело, показали: кто заколол одного московского дворянина, того они не видали и не знают.

3. Один русский человек, Дмитрий Федоров, который находится в венецианской службе в папешском полку солдатом, показал: был-де он, Дмитрий, на галере *Баштард*, и ему, Дмитрию, Алексей Арбузов сказывал, что он заколол Самарина.

4. По присланному из венецианского сената указу велено генерал-капитану Алексея Арбузова допросить против вышеписанного; а в допросе он показал: «Василья Самарина я, Алексей Арбузов, заколол по сей причине: пошли-де мы оба из трактира в третьем часу ночи, и Самарин звал меня на свою квартиру табаку курить, а на дворе схватил он меня за уши и, ударив кулаком в лоб, повалил под себя и потом зажал рот, дабы не кричал; а как его, Васильев, перст попался мне в рот, то я его кусал из всей силы; а потом просил у Самарина, чтобы меня перестал бить и давить, понеже он пред ним ни в чем не виновен, на что ему Самарин отвечивал: «Нет, я тебя не выпущу, а убью до смерти». Почему я, Алексей, принужден был, лежа под ним, левою рукою вынуть мою шпагу и, взяв за клинок возле конца, дал ему три раны, а потом и четвертую; почему он, Самарин, с меня свалился на сторону, от чего и шпага моя тогда переломилась; а я, вскоча и забыв на том месте парик и шляпу, побежал прочь, а потом для забрания сих вещей назад воротился и, увидев Самарина лежаща бездыханна, побежал на свою квартиру и, пришед на оную, кафтан мой замывал и назавтее к балбиру шпагу затачивать ходил». И прибавил: «А прежде я в том для того не винился, что не надеялся, чтобы меня здесь судить стали, а думал, что отошлют к моему государю, пред которым я бы ни в чем не заперся. Когда же меня судить велено, то я во всем вышеписанном признаюсь и винюсь по сущей правде».

Копия с письма к матери покойного Самарина

«Моя государыня Наталья Алексеевна! Не можно умолчать, чтоб вам не донести, хотя то и опечалит старость вашу, что случилось здесь в Корфу: сего марта 4 числа нынешняго года, во вторник вторья недели Великого поста, в первом часу дни, сына вашего Василья Федоровича нашли на улице заколота, а кто его заколол, того никто не ведает; однако же того ж числа явились многие прилики

на торопчанине, дворянине Алексее Арбузове, по коим мы его, Арбузова, взяли и, отдав под караул, донесли о нем господину генерал-капитану, и его превосходительство приказал его, Арбузова, взять на галеру, где он и поныне сидит скован; а наш извет записан в канцелярии моим именем; и он, Арбузов, допрашиван, о чем здесь дело производится. Пространнее же сего дать вам знать не можно, понеже еще дело не кончилось; а чем оно вершено будет, о том до вашей милости писать не оставлю. Тело же сына вашего погребено у греческой церкви, в коей лежат мощи святого Спиридона Тримифунтского; денег по смерти сына вашего ничего не осталось, а что было его скарбу, также кафтан и рубашки, то все продано за 10 червонных, которые и роздал я на поминование души его по греческим церквам; в прочем пребываю ваш слуга Иван Неплюев».

Прошедшего марта 1 дня состоялся указ, чтоб цехину быть по 31 фунту, почему с того числа давали нам жалованье на месяц по 2 цехина без фунта.

В ту нашу бытность в Корфу получили мы из Венеции от господина агента Петра Ивановича Беклемишева от 1 числа мая 1718 года письмо следующего содержания:

«Писание ваше, писанное ко мне из Корфу, я здесь получил во всякой целости, из которого выразумел о приключившемся случае, а именно чрезвычайном несчастье умершего господина Квашнина-Самарина, который был заколот и найден на улице, и по суспекции на Алексея Арбузова некоторых прилик в том приключении оный г. Арбузов взят за арест по повелению его превосходительства господина генерал-капитана Пизани; и ваша милость о приключившемся случае, здесь выше помянутом, в своем известии, писанном ко мне, с некоторою подробностью дали знать, о котором приключении происшедшем, при оказии обыкновенной почты, по моей рабской повинной должности доносил ко двору его царского величества, и какой указ на то получу, об том к вам буду писать; а между тем ваша милость не извольте оставить меня без известия, что будет впредь чиниться. По сем известую вам, что извольте всей своей компании объявить вообще, что по сие время ни писем, ни векселей никому не получил, и как получу, не удержав ни моменту, к вам отправлю. Сим сокращая, остаюсь вашей милости готовым слугою Петр Беклемишев».

*Копия с атестату, каков дал мне, Неплюеву,
супракомито Виценца Капелло*

«Господин Иван Неплюев, один от дворян московских, был на моей галере в общей кампании прошедшей и во всем показал себя в науке галерного мореплавания способным и искусным; таков усмотрел я его существенный кураж, показанный от него в случае корабельной

баталии с флотом турецким, бывшей 10 июля 1717 года, в порте Пагания в голфе Елеус, понеже тогда была куннона баталии и армата *Сутцля*, и при взятии фортец Привезы и Вонницы, как были осаждены от венециан, такоже и при осаде города Дульцина*, нынешнего 1718 года. И о показанных его изрядных делах я усмотрел сам во всех оных случаях и даю ему сие на справедливости основанное свидетельство для доказательства о его службе и достоинстве. Дан в Корфу, генваря 1 дня 1718 года, штиль новый, Маре Венето». Подписал оной *Жентелеи* своею рукою *Виценцо Капелло* супракомито во уверение.

(В Венеции год начинается с марта 1 числа).

Копия с атестату, какой дал мне венецианский генерал Пансквалиго для большего свидетельства сверх вышеписанного

«Мы, Жорзий Пансквалиго, проведитор-генерал морской с полномочием генерал-капитана, между молодых московских дворян, которые по благодаянию возвышенного сената были содержаны в галерном венецианском флоте со удовольствием всяким для научения практики и обыкновения военного, — из них господин Иван Неплюев обе прошедшие кампании был содержан на галере дворянина Виценца Капелло супракомита, с оным был на баталии с турками 19 числа июля, штиль новый, 1717 году, в заливе Елеус, в порте Пагания, и при взятии двух фортец, Превезы, Вонницы и при крепкой осаде фортецы Дульцина от венециан. А ныне оный господин Неплюев по указу отзывается во свое отечество; того ради даем ему для подтверждения вышеписанного сие наше свидетельство, которое ему во уверение о себе объявить своему монарху. Дан в Корфу 1 числа февраля 1718 года, Маре Венето». У подлинного подписал своею рукою *Жорзий Пансквалиго*, проведитор-генерал морской; у подлинного печать. Приписал *Цезаре Ваннаго*, секретарь; на стороне приписал «рагионат [ре]гистрато», волдир**: он же и вписал в книгу.

1719 года генваря 11 дня получили мы от агента Беклемишева письмо из Венеции от 18 числа ноября прошедшего году; а в том письме он нам пишет, чтоб мы, получа оное письмо, по указу царского величества ехали все вместе в Венецию; а к генерал-капитану Андрею Пизани из сенату указ послан, чтоб нас отпустить и дать бы нам имбарко*** и прочее, что нам принадлежит, до Венеции.

* Пагания, Превеза, Вонница и Дульцино — укрепленные города на турецком берегу Адриатического и Ионийского морей.

** Vuol dire (итал.) — то есть.

*** Imbarco (итал.) — снаряжение.

Того ж генваря 14 числа проведитор-генерал Пансквалиго объявил нам, что он таковой указ имеет, но приказал дожидать оказий в Венецию.

Того ж генваря 27 числа дал нам оный генерал вышеписанные аттестаты и жалованья нам выдал впредь на проезд марта до 5 числа и дал нам ордер, чтоб ехать в Венецию на военном корабле *Сант-Гайтано* при генерал-проведиторе Деизоле и кавалере Антоние Лоредане и садиться бы нам на тот корабль, когда прикажет.

2 февраля генерал-проведитор демаре Пансквалиго объявил о ранге своем указ, и на *Баштарде* галере поставили три фонаря на корме, и сего числа надел он, по обычаю их, красное платье и шляпу и башмаки красные и шел в церковь свою с церемониею в особой одежде, и при нем шли все командиры, как морские, так и градские.

Февраля 3 числа сели мы на корабль; оный в 78 пушках, капитан итальянец Жорзий Фокинетто, матросов 60 человек, солдат славян и итальянцев 200 человек. А Алексей Арбузов послан с нами в Венецию под караулом в железах на том же корабле.

7 числа ввечеру генерал приказал: на корабль.

8 числа поутру, то есть неделя Сырная, пошли от Корфу и подняли на гротстенге генеральный флаг четвероугольный так, как адмирал имеет.

Прибыли в Венецию 20 числа и легли на якорь во 2 часу, за 15 миль от Венеции.

21 числа поутру пришли 20 пехот, сиречь лодок, и взяли наш корабль на букшир и ввели в гавань, и легли в гавани на якорь того ж числа в 16 часу.

22 числа генерал Лоредан поехал в карантин, а когда он ехал, тогда салютовали его с того корабля из 7 пушек.

24 числа февраля прислал к нам агент Льва Семенникова и с ним прислал к нам 5 цехинов, а 26 числа еще 4 цехина.

27 числа свезли нас с корабля в карантин и дали нам каморы безденежно, а за барку заплатили мы два цехина. Карантин или контумация учреждена, дабы не спускать ни с кем приезжих, опасаясь морского поветрия.

28 числа агент сам был для разведывания близ карантина нашего и переслал к нам 22 цехина.

Марта 3 числа прислал еще к нам 6 цехинов.

Марта 12 числа приезжали к нам еще в карантин Савва Владиславович Рагузинский да агент господин Беклемишев, и дал нам агент 12 цехинов.

18 числа марта приезжал от агента Лев Семенников и привез нам 10 цехинов; итого получили от агента с 24 числа февраля марта по 25 число 59 цехинов, из чего пришло нам, 22 человекам, на всякий

день по 2 фунта, волдир: русским счетом по две гривны. А когда прибыли мы на контумацию, то первого дня осматривали у нас в баулах весь багаж.

24 марта поутру приехал к нам от агента Лев Семенников с большей баркой и привез нам денег 102 фунта и 18 шолт; из оных денег заплатили мы гвардану* за 27 дней по 44 шолты на день, итого 59 фунтов 18 шолт, да финту**, который нас свез с корабля, 15 фунтов. Он же привез нам ордер о выходе из карантина, за то ему дали 11 фунтов, да за ордер на канцелярские расходы 10 фунтов, что учинит 102 фунта 18 шолт; и того ж часу съехали мы на оной барке в Венецию и стали в одном месте все, в локанде дей ре каруны***. Господин агент платил за нас государевых денег за пищу, за каморы, за постели и за свечи на день за всякого человека по 3 фунта с половиною, волдир: русским счетом по 10 алтын и 10 денег. По прибытии нашем в Венецию по указу его царского величества господин агент сделал нам мундиры: кафтаны темно-серые, обшлага и отвороты красные, камзолы красные, штаны серые ж и шляпы; а Татишеву, Дубровскому, Коновницину, Щербатову и Алексееву мундиров не дано, понеже в письме его царского величества за его собственною рукою к агенту написано, чтоб сделать платье убогим, которые платья не имеют. Жили мы в Венеции 12 дней.

4 числа апреля господин агент объявил нам его царского величества указ, что нас повелено отправить в Гишпанию, с тем чтоб нам быть в службе гишпанского короля на галерах гардемаринами, и объявил нам, что ехать надлежит через Ливорну, и порядил одного флорентинца курьера, чтоб довести нас до Ливорны, а на проезд от Венеции до Кадикса, гишпанского порта, дал нам агент по 30 ефимков каждому да мундир всякий стал по 21 ефимку, итого по 51 ефимку или рублю на человека; и в тех деньгах некоторые из нас расписались, с тем что ежели государь укажет взять те деньги из домов наших, то мы их платить обязуемся. Он же, агент, заплатил за нас 80 цехинов, которые мы заняли у Арсения Квартана в Корфу, и в тех деньгах дали все вексель. Из оных 30 ефимков до Ливорны за провоз и за каморы и за постели и за багаж и за пищу дали мы оному курьеру по 8 скудей флорентинских, а всякая скуды по 11 фунтов венецианских с половиною, итого по 4 цехина по 4 фунта с человека, а ефимок счисляется 9 фунтов с половиною. Господин агент дал нам письмо его превосходительства господина князя Куракина на Кадикс к гишпанскому губернатору дон Томазу Диакето; он же дал нам рекомендацию от гишпанского вице-адмирала, который был в Венеции, в Ливорну, к гишпанскому консулу.

* Guardiano (итал.) — сторож в карантине.

** Finto (итал.) — заместитель начальника.

*** Locanda dei re corona (итал.) — гостиница королевской короны.

Из Венеции выехали мы 4 числа в ночи, то есть в неделю Фоми-ну, а ехали в барке морем подле стены их. От Венеции 25 миль Кафель Гадо, в 30 милях Тетраферма*. В Тетраферме ехали каналом на Оремуче и въехали в реку Эчь, венецианского владения, от Венеции 55 миль.

6 числа проехали мы папезский город Феррара, от Венеции 85 миль.

7 числа прибыли мы в папезский город Болонья, от Феррары 30 миль, а ехали в барках каналами бичевою, лошадьми. Того ж числа поехали мы из Болонии по причине гор верхами, а багаж везли на лошаках во вьюках. Папезского владения от Болонии 25 миль, потом владение флорентинское.

Прибыли мы во Флоренцию 9 числа, а расстояния от Болонии 55 миль, итого от Венеции до Флоренции 170 миль. Во Флоренции тогда были россияне, обучающиеся живописному искусству: Иван да Роман Никитины с товарищи. В Ливорне у гран-дука галерея, в которой разные вещи от пиктуры** и от скульптуры древней, от Рождества Христова и доньне; он же, гран-дук, строит церковь, и в середине той [церкви] стены от разного камня, а строят оную церковь беспрестанно 50 человек 114 лет, а еще будет совершать 100 лет.

10 числа ввечеру поехали мы из Флоренции в барке рекою Арно до города Пизы, 40 миль; тут верфь, где строят галеры. От Пизы до Ливорны ехали каналами 16 миль и прибыли в Ливорну 19 числа, порядили за пищу и за квартиру, со всем принадлежащим, по три павла*** с третью с персоны на сутки, понеже в папезском владении, флорентинском и генуезском, цекин ходит по 26 павлов. Ливорна — город флорентийский при море и порт великий и крепость, солдат 2000 человек, около города и у порта батарей. В Ливорне агентский шурин, Иоаннес Кревт, гамбургский купец; по прибытии нашем рекомендацию подали гишпанскому консулу Маркези, которую имели от их вице-адмирала из Венеции, и господин Маркези объявил нам, чтоб ехать в Женову****, понеже тут оказии в Кадикс нет, а хотя б и были их корабли, то нам ехать на них не можно, понеже они с турком дружбы не имеют.

13 числа ввечеру поехали мы от Ливорны морем в двух фелюках*****, а за те фелюки заплатил за нас испанский консул 8 дуплей

* Terra ferma (итал.) — Венецианская область на материке, в противоположность городу Венеции, расположенному на прибрежных островах.

** Pittura (итал.) — живопись.

*** Paolo (итал.) — монета, ходившая в папских владениях.

**** То есть Геную, Генову; дальше — Генова.

***** Feluca (итал.) — небольшое судно.

и дал нам письмо в Женову к их маркизу инвиату*. От Ливорны в 60 милях владение генуезское, город Санта-Мария и Порт-Венере; при том городе был испанский крестовой корабль осажен от аглинских двух фрегатов.

Прибыли в Женову 15 числа поутру, и осматривали у нас в баулах багаж; стали мы в локанде *аквиля де дор*** и платили за квартиры и за пищу и за прочее по 4 павла на день с человека. По прибытии нашем письмо подали испанскому инвиату, и он велел нам дожидать okazji. При Женове порт, и около города от моря стена. Генуезская республика содержит 5 галер, и дворян 400 человек, а князь в Женове выбирается из дворян и переменяется через 2 года; войска у них в Генуе с 4000 солдат. А когда мы поехали из Венеции, Арбузов остался под караулом в железзах у венециан, понеже господин агент по наш отъезд указу о нем никакого не получил. В Генуе был нам друг один генуезский дворянин, Анжело Жова, который бывал от оной республики амбасадором в Цареграде и знал довольно Петра Андреевича Толстого и Петра Павловича Шафирова.

25 числа апреля инвиат испанский ответствовал нам чрез своего консула, что ему без указу своего монарха денег нам дать на проезд не возможно, а мы своих только имели в остатке по три цекина с половиною; и того ж числа договорились мы с французским капитаном, который на корабле в Кадиксе отправлялся; он требовал за перевоз до Кадикса и за пищу по 11 цекинов с персоны, а деньги чтоб все наперед ему даны были. 26 числа Семен Дубровский, Василий Татищев, Иван Алексеев, Тимофей Щербатов, Иван Кайсаров, Петр Порохов, Алексей Белосельский, Иван Неплюев, Степан Коновницын, Иван Кукарин, итого 10 человек, с оным капитаном договорились и заплатили ему по 10 цекинов с персоны, а по одиннадцатому цекину заплатить ему обещали по прибытии в Кадиксе, и взяли с капитана договорных два письма, и подписали мы и он своими руками, и одно письмо взяли мы, а другое он взял, а письма по договору написаны с таким изъяснением, чтоб нам сесть на корабль мая 2 числа поутру и с того числа кормить бы ему нас с собою за столом до Кадикса и по прибытии в Кадиксе два дни со всякою выгодностию. Письмо его сиятельства князя Куракина и пашпорт, который нам дан от господина агента, взяли мы с собою, а другие два пашпорты, которые были даны до Женовы, отдали нашим товарищам. Того же 26 числа товарищи наши, 12 человек, предложили между собою такой совет, чтобы им ехать в Ливорну и одному из них ехать бы из Ливорны в Венецию к господину агенту и требовать

* *Inviato* (*umal.*) — посланник.

** *Locanda Aquila d'Oro* (*umal.*) — гостиница Золотого Орла.

бы от него себе на проезд денег; понеже они в Кадикс с нами отправиться не могли, потому что денег не имели, и для того наняли они фелюку до Ливорны, дали три цекина с половиною и того ж 26 числа поехали они в Ливорну, а мы с ними писали к господину агенту с прошением, чтобы и всех нас помощью не оставил.

Мая 1 числа французский консул по приказу своего агента послал ордер к оному капитану Винценциу Бианки, чтоб нас на корабль не брал и ни в которую сторону не возил того ради, что мы едем в службу короля гишпанского, о чем им говорили цесарский и английский посланники, чтоб нас не велели везти на их корабле.

Того ж мая 2 числа говорили мы французскому агенту, чтоб нас уволил ехать на их корабле в Кадикс, понеже мы едем по указу его царского величества в свое отечество, а не к гишпанскому королю в службу, а между наших монархов никакой ссоры нет, то для чего нас удерживать? Агент на наше представление склонился и приказал своему консулу, чтоб тот капитан нас по договору отвез до Кадикса, вследствие чего сели мы на корабль и того числа отправили в Амстердам к его сиятельству князю Куракину 4 письма, в которых писали о вышеписанном происхождении и о всем партикулярно; из тех два письма послали чрез гишпанского консула, а другие два чрез одного дворянина Анзуля Жова; и того ж числа писал я в Венецию к господину агенту о случившемся в отправлении нашем препятствии. Корабль, на котором мы были, назывался *Сан-Францешко*, пропорцию в 46 пушек; матросов и с ундер-офицерами 30 человек.

5 числа поутру пошли от Геновы. Того же числа, за безветрием, легли на якорь от Геновы в 15 милях.

От того места пошли в путь 7 числа.

9 числа прошли княжение дука де-Монако, которое бывало Генуезской республики, а ныне под протекшию французского короля; от Геновы во 120 милях. Того ж числа прошли мы два порта дуки Савойского, первый — Вилля-Франка, второй — Нича. Потом пошли возле Французской земли; у островов Ерес выходили два французских крюсовых капора и как сошлись с нами, тогда наш капитан спросил оных позволения; и салютовали с нашего корабля капорному командиру, кричали «ура» 5 раз; от него ответствовали 3 раза; потом ему с нашего корабля еще кричали «ура» трижды; по окончании сего наш капитан ездил к нему на капор; и приехав от него, пошли в путь. А на оных капорах командиром морской капитан; солдат на капорах по 130 человек. От Геновы курс мы имели между Понента и Горбина.

11 числа прошли французский город Тулон.

12 числа, за противным ветром, пришли мы к Тулону и легли на якорь. Тулон от Геновы 250 миль.

13 числа были мы в Тулоне перво у губернатора. Наших русских гардемарин в Тулоне было 7 человек: Андрей Иванов сын Полянский, Воин Яковлев сын Римский-Корсаков, Михаил Андреев сын Римский-Корсаков, князь Александра Дмитриев сын Волконский, князь Борис Семенов сын Борятинский, князь Борис Григорьев сын Юсупов, Александра Гаврилов сын Жеребцов. Учатся они в академиях с французскими гардемаринами, которых в той академии 120 человек, навигации, инженерству, артиллерии, рисовать мачтапов, как корабли строятся, боцманству (то есть оснащать корабли), артикулу солдатскому, танцовать, на шпагах биться, на лошадях ездить; в школу ходят дважды в день; а учат их всему безденежно королевские мастера; а жалованья от королевского величества дается им на месяц по 3 ефимка; а ежели кто согрешит, в штраф сажают в тюрьму, по рассмотрению вины, за большую вину на полгода на один хлеб и воду, и никого в тюрьму не пушают. В Тулоне, городе повизнов, 50 человек от флагу адмиральского; они стоят у адмирала на карауле и числятся старшее гардемаринов; жалованья им больше. При Тулоне строят корабли, и было в гавани кораблей десять военных, стояли оснащены.

14 числа пошли мы от Тулона.

15 числа прибыли ко французскому ж городу Марсели и легли на якорь. В Марселии галерная гавань, в ней стояло 25 галер, на всякой галере капитан один, поручиков два, подпоручиков два, гардештандартов два, и прочие ундер-офицеры деля цурма синифика*, цурма каторжная, в компании; солдат бывает по компании на галере, в которой компании 50 человек солдат; при оной же гавани в городе арсенал галерный, то есть адмиралтейство; в нем строят галеры и прочие галерные припасы, а галеры их — малтийским делом, без новизялей. Марселия от Геновы 30 миль; в Марселии ж школа, в которой 30 человек из первого шляхетства учатся математике, артикулу, боцманству галерному и прочему, принадлежащему к навигации, и танцовать; и они числятся выше гардемаринов, а зовутся они гардештандартами, потому что на галерах флаги с гербом королевским, то есть штандарты, как и нашего монарха герб — орел; и у оных гардештандартов капитаном королевское величество, и они же, кроме короля, ни к кому на караул не ходят; жалованья оным по три дупли с половиною, из того числа на мундир у них вычитают по 10 франков на месяц, которых франков в дупле по 20, а наших денег в дупле 4 рубля без четверти. Есть во оных много малтийских кавалеров; а жалуют гардештандартов в подпоручики галерные, понеже все галерные офицеры из гар-

* То есть della turma. Turma significa (итал.) — отборный отряд.

дештандартов происходят по чинам. Мундир на гардемаринах — кафтаны красные и чулки.

В бытность нашу при Марселии, 18 числа ввечеру, говорили мы корабельному капитану, что он нас худо кормит, и он нам отвечивал, что «я-де вам в портах не повинен стола давать, договор-де наш разумеется от Геновы до Кадикса и пища в путь, а когда-де я приду в какой порт, тогда-де вы повинны свое есть, съехав на берег, как и прочие пассажиры всегда так делают».

19 числа мая били челом мы на капитана губернатору; оный губернатор послал нас к логотененту* мусье Жерин, у которого под ведением всякие морские дела, и он говорил капитану, что ему надлежит нам давать пищу и в портах до уреченного места Кадикса по договорному нашему письму, для того что в письме о портах не упомянуто, — в чем капитан словесному его приказу не последовал, приносил в резон, будто он в порте не повинен про нас иметь стола; и оный логотенент велел нам подать суплику**, что мы и učinили; и на той суплике оный логотенент пометил, чтобы капитана сыскать в канцелярию и против нашего челобитья допросить; и оный капитан вместо допросу дал сказку, подписал под оной челобитной в ответствие, что он стол про нас держит и впредь держать по своему договору во всяком до Кадикса месте обязуется.

22 числа судьи, слушав оного дела, пометили, чтоб оному капитану по договорному своему письму держать про нас стол во всяком месте до Кадикса против договорного нашего письма, и против той пометы дали нам указ; а когда дело слушали, докладывал по делу дьяк, а отвечивал за капитана наемный стряпчий «адвокат» да писарь его корабля, а от нас был я, Иван Неплюев. Судьи во Франции ходят в черных платьях, также и дьяки; а дьяки называются прокураторы; всех дел канцелярии и судьи в одном доме по разным каморам, которые палаты называются «палацо де юстиция».

От Марселии пошли мы мая 26 числа.

Пришли к Аликанту, гишпанскому городу, июня 1 числа и легли на якорь. При нем порту нет; расстояния от Марселии 400 миль, а от Женовы 700 миль, которые в градусе по 75. Оный Аликант в прошедшую войну был взят от англичан и от цесаря; потом возвратили Гишпанию.

От Аликанту 7 числа пришли в Карфагену, гишпанский же город, и легли в порте на якорь 10 числа. Расстояния от Аликанта 60 миль; в Карфагене зимуют галеры. Того ж числа капитан был у губернатора, который приказал ему об нас, чтобы мы были все к нему.

* Locotenente (итал.) — лейтенант.

** Supplica (итал.) — прошение.

И по сему приказу 11 числа пришли мы к губернатору конте де-Ровир. И он, посмотря нашего пашпорту, сказал нам, что его царского величества 40 кораблей будет в помощь к их королю, о чем от королевского величества указ имеет, чтоб в портах приготавливали провизию для того российского флота. На что объявили мы губернатору, что и мы едем в службу их короля, и просили совета, что можно ли нам проехать морем в Кадикс, понеже в Перузе Гибралтарской крѣсуют аглинские корабли. На что оный губернатор сказал: «лучше вам ехать до Малаги, гишпанского города, морем» и в Малагу к губернатору дал письмо, чтоб нас от Малаги отправить бы в Кадикс сухим путем, и капитану о том приказал, чтоб нас ссадил в Малаге, дал письмо, чтоб с капитана обычных пошлин в Малаге не брать, потому что он послан в Малагу для нас.

Пошли мы из Карфагена 18 числа.

23 числа, за противным ветром, легли на якорь при гишпанском кастеле* Ракето; тут же неподалеку город их Армилие**, от Карфагены в 100 милях. У Кадегато*** видели мы барбаретские крѣсые корабли, где всегда обычно крѣсуют.

Пошли от Ракета 24 числа, ввечеру. Сей день рождество святого Иоанна Предтечи.

28 числа прибыли к Малаге и легли на якорь. Малага от Карфагены 200 миль.

29 числа, по рекомендации карфагенского губернатора, просили исполнения у губернатора, и он нам велел сойти с корабля и приказал нас в трактире кормить на счет королевский. Последуя тому, съехали мы с корабля, заплатя капитану остальные 10 цекинов.

28 числа прибыли в Малагу наши товарищи, 12 человек, которые остались в Ливорне, а из них Кашкин ездил в Венецию, и господин агент дал им на проезд по 18 цекинов на человека от Ливорны до Барцелонни, а от Барцелонни до Малаги дано было им же на проезд от гишпанских министров королевских денег.

30 числа малажский губернатор, по ордеру обретающегося тут сухопутного генерал-капитана, дал нам лошадей и на пищу 100 пец****, которых в цехине 2½. В тех деньгах расписался я, Неплюев, да Петр Зиновьев. Оные деньги губернатор отдал комиссару, которого послал с нами, и велел нас кормить, в прочем содержать до Кадикса.

Выехали мы из Малаги 30 числа.

Июля 2 числа проехали гишпанский город Ронда, 11 лех от Малаги, которых лех в градусе 17½.

* Castello (итал.) — замок.

** Альмерия.

*** Мыс Cabo de Gato.

**** Peso (итал.) — пиастр, испанская монета.

3 числа проехали деревню Борно, 20 лех от Малаги.

4 числа проехали город Херес де-Фронтера, 26 лех от Малаги.

5 числа поехали в барке в Кадикс, понеже тут морем 2 лехи. Того же числа прибыв к Кадикс, письмо его сиятельства князя Куракина подали губернатору, а тот губернатор у себя таких дел не отправляет, понеже он сухопутный генерал-поручик. Он отослал нас к интенданту де-марина*; тот интендант дал нам квартиры и платил за нас из королевской казны за квартиры и за пищу по три реалья**, да плата с персоны, которых реалов в пещи по 8. И писали они об нас к королевскому величеству, а нам велели дожидаться указа, понеже об нас указу от короля своего никакого не имели.

20 числа пришли авизии, что гишпанцы имели баталии с цесарским войском в Сицилии, на которой гишпанцы выиграли, побили тадесков 7000, и за оную викторию был функцион*** по 3 дни, то есть по отпуске молебна палили из пушек и по вечерам везде в доме ставили свечи. А остальное цесарское войско осталось в осаде, в горах, которого еще будет около 12000, а гишпанцев 25000. Кадикс на острову, на мысу; сухой путь к крепости с одной стороны; гарнизону в нем 4 полка да около порту, по другим крепостям, три полка. Оный числится в провинции Андалузии, в которой губернатор в порте Санта-Марии; а губернатор у них называется генерал-капитан, а комендант зовется губернатор. Между Террыфермы и острова Кадикса порт корабельный, который числится первый порт в Гишпани; около онога многие цитадели; обычай гишпанский: когда придет в порт какой купеческий корабль иностранный, то оный, пришел в бадью, салютует из пушек, а с города никакому кораблю не отвечают; часовой солдат, ежели стоит с фузеей на часах и ежели мимо его идет офицер, которому по нашему надлежит ружье поставить, а у них — поднимет на плечо, вместо караулу, а генералам ставится на караул; против нашего же, стоя на часах, держит всегда, не спущая, на руке.

Августа 4 числа от его королевского величества прислан указ ко интенданту де-марина, аль дон Францешко де-Варас, и к поручику гардемариному, аль дон Юзефе Марин, по которому повелено нас определить во академию и содержать в компании гардемариной, как их гардемарины содержатся; а жалованье на месяц на человека по две добли****, и по две пещи, и по пяти реалей де плата, и по пяти кварты, которое по-русски сделает 10 ефимков; а мундир нам не определен. А их гардемарином жалованья дается по 8 и по 5 реалей и по 5 пещ; по две пещи вычитают у них на мундир. А оклад

* Морской интендант.

** Испанская монета.

*** Funzione (итал.) — упражнение.

**** Дублон, испанская монета.

гардемарину против прапорщика по 16 ефимков; на прочие деньги вычитают у них учителям и на содержание академии и в гошпиталь. Во время нашего приезда в компанию в роте было гардемаринов 240 человек, из того числа в Сицилии на кораблях 60 человек, в Америке на кораблях 18 человек. Мундир на гардемаринах королевский: кафтаны и петли золотом обшиты, камзолы и чулки красные, штаны васильковые; а которые служат на кораблях, тем даются еще сюртуки васильковые простые. А ежели гардемарин занеможет, то содержан бывает в гошпитале как лекарством, так и пищею и прочим всем; сколько будет лежать, из его жалованья за месяц вычитается по 5 пец, а прочие отдаются ему. А ежели которого отпустят на время домой, и тогда ему жалованья дается без вычету. А в гардемарини без имянного королевского указа никого не принимают, понеже все должны быть свидетельствованные дворяна; а некоторые есть и офицерские дети, записанные особым имянным королевским указом за службы отцов их. Гардемаринам жениться отнюдь не дозволяется, покуда не выйдет в офицеры. Жалуют оных в поручики и в подпоручики, а на фрегаты в офицеры, а фрегатные у них против сухпутных; оные же жалуются в артиллерийские офицеры такими же рангами; тако ж выпускают их в драгунские и пехотные полки в поручики и в прапорщики; и ежели который может у полковника купить роту, того жалуют и в капитаны, потому что полковник вербует солдат за свои деньги. Квартиры ни гардемаринам, ни офицерам в Гишпании не дается, и нанимают за свои деньги из жалованья; а некоторым гардемаринам даны квартиры королевские в кастеле; а мы нанимали из жалованья. По ордеру королевскому должен всякий гардемарин во втором часу ночи быть на квартире и никуда ночью с квартиры не сходить, чего, ходя по вечерам, осматривают бригадиры, а ежели который гардемарин явится в какой вине, то поручик и прочие офицеры штрафуют; первый штраф: скажут арест, чтобы никуда с квартиры не сходил; 2-ой: сажают в камору и замыкают; 3-ий: по великой вине сажают в тюрьму и есть, кроме хлеба и воды, не дают. А на караул оные ни к кому не ходят, кроме королевского величества, да во время учения стоит на карауле один.

Офицеры компании гардемаринской. Капитан — его королевское величество. Команданте де-компания, который правит за капитан-поручика, — дон Луис д'Ормей (ранг его против генерал-майора), который больше живет при дворе. Поручик, логотененте де-компания, — дон Юзефе Марин; ранг его полковничий; жалованья ему по 30 доблей на месяц; или ранг его против капитана морского, понеже капитан морской равен полковнику, о чем ему и прочим офицерам даны от короля патенты. Подпоручик, офицер де-компания, — дон Гуан Наваро; ранг его подполковничий; жалованья ему по 25 доблей на месяц; он же и жалованье принимает от

комиссарства на всю компанию и раздает. Бригадиров де-компания, сержантов — 4 человека, которых ранг капитана сухопутного (жалованья оным по 12½ доблей на месяц): дон Августин Редонда, дон Геронимо Буштоммете, который в Сицилии на кораблях с гардемаринами, дон Юзефе Павестер, дон Гашпер де-Евна, который учит артикулу солдатскому повседневно. Мастер, который учит математику повседневно, — дон Францешко де-Орье; жалованья ему по две добли с половиною на всякий день. Мастер, который учит артиллерному искусству, жалованья имеет 15 доблей на месяц. Во академии ж: фехмейстер один, который учит на шпагах биться; жалованья ему 15 доблей на месяц; танцмейстер один, который учит танцовать; жалованья ему 15 доблей на месяц.

О учении гардемарин. Поутру соберутся все в церковь, в указанной час, и чередной бригадир, понеже по установлению должны к обедне приходить на всяк день; потом в академии учатся все математике два часа; а за вины их штрафует бригадир. В другой раз сходятся гардемарины во академию после обеда в 3 часа вседневно: 3 кварты учатся артиллерному искусству, две кварты учатся солдатскому артикулу, одна кварта учатся на шпагах биться, одна ж кварта учатся танцовать; учатся сим образом, переменяясь по вся дни, по полтора часа.

6 числа августа, штиль *veje**, расписали нас в шесть кварт, а в первую квартиру из нас никого не написали, и как гишпанские, так и мы ходили в академию всегда, кроме того, что мы к обедне не ходили; а учились со оными солдатскому артикулу, танцовать и на шпагах биться; а к математике приходили, только без дела сидели, понеже учиться невозможно, для того, что мы их языку не знали. В те ж числа просили мы многожды, чтоб нас, против рекомендации князя Куракина, послать служить на галеры его королевского величества. Оный нам сказал, что его королевское величество содержит только 6 галер, и те в Сицилии: «и определить-де вас, кроме академии, некуда; а жалованья вам не прибавят»; и на их галерах гардемарин нет. И об оном обо всем писали мы многожды в Санкт-Петербург к адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину и в Голландию к послу князю Борису Ивановичу Куракину и просили их, чтоб они доложили его царскому величеству, чтоб нас повелел определить в службу и определил бы нам свое государево денежное жалованье, чем бы мы могли содержаться, понеже гишпанским жалованьем нам содержаться невозможно и в житье нашем пользы нам никакой нет, понеже шпажное и танцовальное учение к службе его величеству в нас годно быть не может. А жалованья королевского в руки нам не давал поручик де-компания, а платил за нас за пищу и за квартиру

* Старый стиль.

по две добли на месяц с персоны, отчего мы имели нужную пищу, а пили только воду; оный же за мытье рубашек и прочего платил за нас по полупецы на месяц, и по приказу его переменяли мы по три рубашки в неделю и брали на месяц по паре башмаков, за которые он платил за нас по 9 реалей, да плата за пару; он же платил за нас балбиру по 4 реала на месяц, который брил нам бороды по 2 раза в неделю, а паруки нам пудрил по трижды в неделю; и за тем за всем осталось нам по 4 реала по 5 кварт от месяца; и оные платил за нас портному мастеру за починку верхнего платья, или кто что возьмет новое против жалованья.

13 числа августа умер наш товарищ, гардемарин, князь Алексей Андреев сын Белосельский; за тем нас осталось 21 человек.

19 числа августа против письма князя Куракина послали мы к королевскому величеству челобитную, и притом к секретарю его величества, аль дон Микель Фернадецу Ранг де-Епаро, писали письмо, в котором просили его по суплике нашей доложить его королевскому величеству, чтоб нас его величество повелел послать в службу на галеры, понеже нам во академии учиться невозможно того ради, что гишпанскому языку не знаем, и чтоб его величество прибавил нам жалованья, понеже вышеупомянутым жалованьем нам содержаться невозможно, а от царского величества ныне мы денежного жалованья не имеем. И против того оный секретарь нам отвечивал письмом же, что его королевское величество повелел отписать к нам, чтоб нам быть во академии и учиться языку и прочего, а на галерах нам быть невозможно, понеже галеры в Сицилии, а в жалованье нам его величество излишнем против их, гардемарин, определил отказать. По получении сего письма о всем писали мы в Голландию к послу князю Борису Ивановичу Куракину.

12 числа сентября вся компания, офицеры и гардемарины, собраны были в кастель, и при нас указом королевским с одного гардемарина офицеры велели снять королевский мундир и объявили нам его за бездельника, чтоб гардемарины с ним компании не имели за то, что он женился без указа, — понеже им жениться не велено; и отказали оному от компании, а сверх того, оный из королевской службы выкинут и отпущен на волю; а покуда об нем отписывались к королю, потуда он сидел в тюрьме, с 25 дня.

Октября 6 числа, штиль вежо, товарищ наш, гардемарин Иван Иванов сын Аничков, сошел с ума, и от того числа содержался в кастеле, никуда не выпуская, понеже делал всякие не порядки и говорил вздор.

Октября 19 числа получили мы от князя Бориса Ивановича Куракина письмо, писанное из Гаги, сентября от 18 числа, в котором он нам писал, что он письма наши из Кадикса получил, которые мы к нему писали, и по оным он ко двору его царского величества писал

и во уверение подлинное наше письмо послал, и как на то получит от государя указ, обещал к нам отписать.

Октября 29 числа собраны были в кастель вся компания, офицеры и гардемарины, и указом королевским сняли с одного гардемарины мундир, и выкинули его из гардемаринов, и объявили его за противника королевскому величеству за то, что он чинил противности и непослушание поручику своему (разумеется: противен команде — противен королю); и сидел оный в тюрьме 5 месяцев на хлебе и на воде; и повелено его выкинуть из гардемаринов, послать в ссылку за караулом в город Сеуту, что и учинено. Сеута — город гишпанский в Африке, между Медитерана и Осиана.

18 числа ноября, штиль вежо, по именному его королевского величества указу риформовали гишпанцев гардемаринов 20 человек за то, что они не имели прилежности к науке, а прочим сказали указ, что которые имеют прилежность и приняли науки, те будут пожалованы по времени в офицеры; а ежели которые прилежности к науке иметь не будут, те тако ж выкинуты из академии будут, — чего ради интендант приезжал во академию.

20 ноября расписали гардемарины на 6 кварт.

Того ж ноября 18 числа объявил нам губернатор Томазо и Диакек, что он получил из Голландии от князя Бориса Ивановича Куракина письмо, в котором к нему пишет, чтоб нас прислать в Амстердам на корабле, а за имбарку и за пищу будут деньги заплачены государевы от князя Куракина. Однако оный губернатор без указа своего короля учинить того не может, о чем того ж числа писал ко двору королевского величества.

14 числа декабря получили мы от князя Куракина письмо, в котором нам пишет, что нам по указу царского величества велено возвратиться в отечество, и об отправлении нашем он писал к губернатору кадикскому, чтоб нас отправил в Голландию на голландских кораблях, и отправляться бы нам немедленно.

15 числа декабря губернатор нам объявил, что он от королевского величества об отправлении нашем по письму князя Куракина указ получил, и велел нам дожидаться okazji в Голландию. Того ж числа получили мы от князя Куракина другое письмо о своем отправлении против вышеписанного.

29 декабря получили мы от князя Куракина еще третье письмо об отправлении нашем против вышеписанного ж, которое все писано его рукою; в оном же он к нам пишет, что ежели мы имеем в деньгах нужду, чтоб нам заняты и вексель дать на имя его.

1720 года, генваря 16 дня, генерал и губернатор кадикский дон Томазо и Диакек по письму князя Бориса Ивановича Куракина занял нам денег у купца дон Изанбеше в Кадиксе 63 добли и дал нам всякому по 3 добли, а тому купцу дал вексель за своею рукою в

том, что те деньги будут заплачены от князя Куракина в Амстердаме корреспонденту его, дон Петро Тречао, корреро маритимо*, по 18 на сто, и того всего на голландские деньги 713 флоринов гульден и 12 штиверов. Того ж числа оный же губернатор договорился с датским капитаном Буй Нельшен, чтоб ему нас свести на своем корабле, именуемом *Соль*, в Голландию и кормить с собою, и ежели за противным ветром или иного какого ради случаю зайдет в какие порты, непременно везде нас в пище содержать до Голландии; взять ему в Амстердам у князя Куракина по 31 пеции, чего будет 1502 флорина. И о всем вышеписанном губернатор дал письмо за своею рукою; а оные за 21 человека 651 взять оному корреспонденту Петро Тречао. О сем мы к князю Куракину того ж числа писали.

Генваря 28 числа получили мы письмо из Амстердама, от резидента господина Кристофора Брандта, в котором к нам пишет, чтоб нам взять в Кадиксе, у купца господина Лашкета по 50 ефимков на каждую персону для отправления до Голландии. И по оному письму взяли мы только по 19 ефимков на персону, а по 31 ефимку от персоны велели ему, Лашкете, перевести в Амстердам для платежа за нас датскому капитану против вышеписанного договорного губернаторского письма. Того ж числа вышеозначенные заемные 63 дали купцу дон Изанбеше заплатили и от него заемное губернаторское письмо взяли назад; и о всем вышеписанном того ж числа писали мы до его сиятельства князя Куракина, тако ж и до резидента Бранта. И сверх того была об нас от резидента рекомендация, чтоб нам везде в Гишпании в деньгах верили, сколько понадобится на проезд.

Февраля 6 числа корабль наш был готов отходить в путь, но воспрещено указом королевским, чтоб никакому купеческому кораблю из порту не выходить, покуда не выйдет шквадра** королевских кораблей.

12 числа пошло в Америку западную два корабля линейных да фрегат, на которых гардемаринов 40 человек, при бригадире дон Юзефе Павестер. При них же пошли купеческих 5 кораблей да одна тартана.

Февраля 17 дня imbarкались мы на корабль вышеозначенный, именуемый *Соль*, которого пропорция 50 пушек; а было на нем только 26 пушек, понеже нижний дек без окон, по обычаю купеческому; капитан Буй Нельшен патент имеет военный; людей на нем 50 человек. И пошли мы в путь того ж числа.

12 марта звали мы к себе аглицкий торговый корабль, палили из пушки, чтоб он парусы отменил и нас дожидался, от которого мы взяли сведения, сколь далече мы от земли.

* *Correra maritimo* (итал.) — курьер морской.

** *Squadra* (итал.) — эскадра.

13 числа, по обычаю морскому, мы, убавя парусы, дожидали гамбургской флейты*.

14 числа вошли в канал и шли возле Англии.

16 числа от полуночи стал ветер крепкий веять, которым мы вышли из канала между мелей. Того ж числа от полудни стал ветер норд-вест с великим штурмом, в 6 часу пополудни стал штурм, и большой парус фок разодрало; и грот-рей, и фок-рей опустили и руль подвязали, и пустились на волю Божию, и понесло корабль на ост, к мели, к Голландской земле, понеже были от земли только 20 миль; однако Бог сохранил: к полуночи ветер утих.

18 числа пошли мы на ост, понеже ветер противен и в Тексель идти не можно; и увидя лоцманов, звали их пушечной стрельбой к себе, перво просто, потом с ядрами, и легли на якорь. За провозку корабля дал капитан лоцманам 130 гульденов. Порт зовется Фан-Шлейссе; республичных 20 кораблей стоят военных в порте, разснащены.

19 числа поутру поехали мы с корабля, салютовали нас трижды, кричали «ура» и палили из трех пушек. От Фан-Шлейсса ехали мы на фурах до Бриля одну легу, от Бриля через залив 2 леги, местечко Маштенлян-Шлюсси, от того каналами Делфт 3 леги. От Гарлема до Амстердама 2½ леги. Путь все каналами.

Прибыли мы в Амстердам 20 числа; от Фан-Шлейсса до Амстердама издержал нам на пищу и на провоз капитан своих 163 гульдена; и по прибытии своем просили мы его царского величества резидента Кристофора Игнатьевича, чтоб он за нас заплатил капитану за провоз до Голландии по 31 ефимку с персоны, тако ж и оные 163 гульдена. И оный резидент капитану сказал, что ему деньги будут заплачены все, а нам дал по 4 ефимка на персону и велел нам дожидать его сиятельства князя Бориса Ивановича Куракина.

Князь Борис Иванович Куракин прибыл в Амстердам 27 числа.

28 числа его сиятельство дал нам пашпорты и письма к адмиралу Федору Матвеевичу** и определил нам ехать до Гамбурга водою, от Гамбурга до Данцига на ланкуге***, от Данцига до Кенигсберга водою, от Кенигсберга до Риги на ланкуге, а в Ригу к губернатору Никите Ивановичу Репнину дал нам письмо, чтоб его сиятельство оправил нас от Риги на подводах в Ревель, или где обретается адмирал; а на проезд от Амстердама до Риги приказал нам выдать по 70 ефимков; а пашпорты и письма были нам даны по компаниям по 4 и по 3 человека в компании. Его же светлость приказал нам выдать кормовых денег по 6 гульденов на неделю, а гульден

* Грузовое судно.

** Апраксину.

*** Повозка.

содержит 4 гривны, и получили мы оные деньги марта с 20-го; и до отъезду его ж сиятельство дал нам рекомендацию в Гамбург к купцу, чтоб он нам в наеме чинил вспоможение. Мы ж его сиятельство просили, чтоб он приказал нам выдать на наши нужды оные по 31 ефимку на персону, которые мы возвратили господину резиденту Бранту, и он советовал господину резиденту, чтоб он нам те деньги выдал, понеже, по именному его царского величества указу, адмирал Федор Матвеевич писал к господину Бранту, чтоб он перевел нам в Гишпанию по 50 ефимков на человека; и господин резидент взял резолюцию, чтоб нам оные деньги выдать, понеже за наш проезд от Кадикса капитану деньги заплачены от князя Бориса Ивановича. Ему ж дали мы сказку в том, что которые мы деньги заняли было в Кадиксе, по 3 добли на персону, что мы, получа по 19 ефимков из Брантова векселя, оные заплатили и что по первой губернской ассигнации оных не платить; а деньги мы кормовые и подъемные брали от Фон-Левена, который бывал секретарь Соловьева.

30 числа господин резидент выдал нам по 31 ефимку на персону да в Кадиксе по его векселю взяли мы по 19, и того будет против письма адмиральского по 50 ефимков на человека, кроме тех, что на проезд дал по 4 ефимка на человека, и велено нам, дожидаясь своего багажу, ехать, понеже багаж наш остался на корабле. А князю был указ, чтоб нас отправить в Петербург на голландских кораблях, а он нас отправил другим трактом, потому что оказии вскоре к Санкт-Петербургу морем не было, а хотя б и были, но опасно, чтобы шведы в Балтике не взяли в полон. В бытность нашу в Амстердаме были Андрей Федоров сын Хрушов да Иван Талызин, Алексей Вишняков, которые учились экипажеству и механике, да царского величества денщик Иван Андреев сын Толстой для покупки разных птиц; еще были человек с 40 школьников, которые учились всяким ремеслам — медному, столярному и судовым строениям, а приказаны оные были его величества агенту Фадербургу.

4 числа апреля Василий Татищев поехал по багаж в Геншвейкс, да по приказу князя Бориса Ивановича Фон-Левен дал ему шкипора и денег на проезд и рекомендацию к капитану.

8 числа Василий Татищев прибыл с багажом и денег издержал себе и шкипору на проезд и на провоз багажа 51 гулден.

12 числа апреля к вечеру поехали мы от Амстердама на яхте 14 человек, а 7 человек наших товарищей поехали на тьялке. Дали мы на яхте за провоз и с пивом, кроме пищи, по червонному с персоны. Когда отъезжали, заплатили мы в казну посажгелт по шеленгу* с персоны, а провизию для пути имели свою.

* Passage-geld (фр., нем.) — пошлина за проход; под «шеленгом» разумеется, конечно, известная монета шиллинг.

18 числа взошли в гамбургскую реку; на одной стороне Голштиния, а на другой Лйнебургия. Того ж числа легли мы на якорь возле линебургского городка Штаде и платили по облиге по 8 штиверов* с баула.

19 числа пришли к Гамбургу и ночевали за городом, в ардинарии**, понеже того дня не успели в город. От Амстердама до Гамбурга морем 60 миль немецких.

20 числа прибыли в Гамбург и по рекомендации были у Говерса, который отправляет за консула государевы дела. Гамбург — республика, под протекциею цесарской.

21 числа господин Питер Говерс дал нам совет, чтоб ехать чрез Берлин на почте, понеже ландсцуги не нашли, чтоб прямо ехать в Данциг. Товарищи наши при нас в Гамбург не приехали. Того ж 21 числа поехали из Гамбурга на ординарной почте — на фуре 6 человек да на экстраординарной почте — на двух фурах по 4 человека; платили на ординарной почте по 6 штиверов с персоны на милю да на всякой перемене почтарю пост-гелт по 12 грошей с персоны, а перемена от перемены по 3 и по 4 мили немецких; а на экстраординарной почте платили на три лошади по 48 рейхсталер талер штиверов на милю с 4 человек, понеже в фуре сидит 4 человека, а имеют три лошади; да на всякой перемене за телегу по 4 штивера; а ехали и переменяли лошадей обе почты вместе и деньги платили вообще. От Гамбурга их владения — 7 миль. Берлин — столица прусского короля; червонный ходит 130 штиверов или грошей. Издержали мы денег на пищу по червонному да на проезд без мала 3 червонных с персоны; а пути от Гамбурга до Берлина 33 мили. От Говерса имели мы письма в Берлин к послу, графу Александре Гавриловичу Головкину. Прибыли мы в Берлин 24 числа поутру, и осматривали у нас багаж.

25 поехали мы из Берлина на экстраординарной почте на трех фурах. Платить до Данцига на 56 миль по ефимку на милю со всякой телеги да за телеги по 4 штивера на всякой перемене; всего до Данцига издержали от Берлина по 5 червонных, и с пищею. Господин посол Головкин дал нам подорожные, чтоб от Мемеля до Риги в Курляндии брать подводы без прогон. Владение прусское до Гданска, а 7 миль владение польское, понеже Данциг принадлежит республике Польской; а дорбгой городок от городка в Пруссии по 3 и по 4 мили.

Прибыли во Гданск 30 числа и порядили до Кенигсберга яхту с персоны по получервонному, без пищи. Агент государев во Гдан-

* Stüver (нем.) — мелкая монета; платить «по облиге», то есть по обязанности, в силу обложения.

** Ordinario (итал.) — почта, почтовый дом.

ске — Ертман, премьер-аудитор, и агент его величества другой — иноземец Куриус.

Поехали от Гданска мая 2 числа. Ехали рекою 7 миль, заливом 17 миль. Прибыли в Кенингсберг 14 числа, Королевец тож. В Кенингсберге управляет государевы интересы консилиер королевского величества прусского, которому прозвание Неглин. Наняли из Кенингсберга до Мемеля на 15 миль, дали по получервонному с персоны, без пищи; ехали сухим путем три мили, заливом 12 миль.

Прибыли в Мемель 7 числа. Мемель — прусская крепость; и смотрели наших пашпортов.

Поехали из Мемеля 8 числа и наняли до курляндской почты на 8 миль, дали по рейхсталеру с персоны.

9 числа по подорожной взяли на курляндской почте подводы.

Прибыли в Митава 11 числа. Митава — столица курляндская. В ней владетельница государыня царевна Анна Ивановна; при ней из русских генерал-кригс-комиссар Петр Михайлович Бестужев, полк драгунский Каргопольский. Пути от Мемеля 33 мили.

Поехали от Митавы 12 числа.

Приехали в Ригу 13 числа. Расстояние 7 миль. В Риге губернатор князь Никита Иванович Репнин дал нам подорожную, чтоб нам до Санкт-Петербурга давали по подставам почтовых по подводе на человека, с прогонами, а на прогоны нам денег не дал.

Выехали мы из Риги 15 числа.

Прибыли в Дерпт 17 числа.

18-го из Дерпта в Нарву.

В Нарву прибыли 19 числа.

Из Нарвы поехали 20 числа.

Прибыли в Санкт-Петербург 22 числа. Расстояние от Риги* 202 версты, от Дерпта до Нарвы 141, от Нарвы 165, всего 510 верст**. Во весь вышеписанный вояж издержал я собственных 400 рублей да государевых 600 рублей. Каждый из нас по приезде в Петербург пристали у наших родственников, а я у капитана гвардии Семена Марковича Спицына.

Назавтра, собравшись вся наша компания ко мне на квартиру, пошли явиться генерал-адмиралу, а потом ко всем флагманам, находящимся в Петербурге, и ко всем присутствующим в Адмиралтейской коллегии. Все нас приняли весьма ласково, особливо Григорий Петрович Чернышев, который о вояже и службе нашей вне государства подробно и милостиво расспрашивал и обнадежил нас своим предстательством у его величества, подав нам, как отец, совет, чтобы просили генерал-адмирала быть представлены к государю, и

* Без сомнения, до Дерпта.

** Счет не верен; должно быть: 508 верст.

когда его величество из нас с кем говорить изволит, то чтоб мы по истине и без робости сказали, кто что знает и сколько кто преуспел в науках. За таковую его милость мы все, как не имущие никакого покровительства, а по нашему отлучению от отечества не токмо от равных нам возненавидены, но и от свойственников наших при первом случае насмешкою и ругательством по европейскому обычаю, в нас примеченному, осмеянные, благодарили Григория Петровича со слезами. Флагман Змиевич, человек в морской науке весьма искусный, любопытствовал у каждого из нас о нашем в навигации знании и, сколько приметить можно, Кайсарова и моими ответами был довольнее.

Назавтра пошли мы в Адмиралтейскую коллегию и ожидали прибытия генерал-адмирала, который, приехав и нас увидя, сказал, что он об нас доложит, и когда приказано будет, чтобы явились в коллегию, а ныне б шли по домам.

26 числа была ассамблея на почтовом дворе, на которой генерал-адмирал государю об нас докладывал, и от него получили повеление, чтоб нам быть представленным завтра в Адмиралтейской коллегии, почему мы и получили от коллегии приказ явиться в 5 часов в коллегию. Не знаю, как мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спал, готовился, как на Страшный суд.

И по сему приказу собрались мы в назначенное время в коллегию, а между тем присутствующие съезжались, из коих генерал-адмирал, идучи мимо, сказал нам: «Я вас теперь государю представляю». А через малое время потом приехал Григорий Петрович Чернышев и, остановясь с нами, говорил то же, что и в своем доме, и ласковым и милостивым сим разговором убавил нашего страха. Наконец и его величество прибыть изволил, но не тем путем, которым мы его ожидали; потому мы и не имели счастья путь его видеть. В 7 часов впустили нас в присутственную палату. Мы его величеству поклонились в ноги, а прочим в пояс. Он, будучи или немощен, или невесел, чего я не знаю, изволил спросить нас только, имеем ли мы от командиров тамошних аттестаты и все ль на галерах или иные и на кораблях служили. Получив на сие ответ, оборотясь к генерал-адмиралу, изволил сказать следующее: «Я хочу их сам увидеть на практике, ныне напишите их во флоте гардемаринами». Не успел последней речи государь еще окончить, как великодушный покровитель всех бедных, Григорий Петрович, очень громко сказал его величеству: «Грех тебе, государь, будет: люди по воле твоей бывши отлученные от своих родственников в чужих краях, и по бедности их сносили голод и холод и учились, по возможности желая угодить тебе и по достоинству своему и в чужом государстве были уже гардемаринами, а ныне, возвратясь по твоей же воле и надеясь за службу и науку получить награждение, отсылаются ни с

чем и будут наравне с теми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имели». Его величество на сие изволил ему ответить: «Я их награжу; пусть только одну кампанию прослужат!» — «Но легко ль, государь, гардемаринами служить, — сказал Григорий Петрович, — таким, кои из них есть достойны управлять кораблем или галерою?» Государь спросил его: «Кто ж бы такие были, кто б так достоин?» Он нимало ни мешкав: «Кукарин* и Неплюев». Сии слова наполнили меня благодарностию, радостию и страхом, и так меня замешало, что я уже после заметил, что государь, желая, чтоб нас двоих ему указали, и обоих изволил пристально осматривать и потом, помолчав немного, изволил приказать записать свой указ, чтоб в коллегии было в будущем месяце полное собрание, при котором нас всех как в навигации, так и в прочих науках и языках экзаменовать, при чем он и сам быть желает; а потом нас вон выслали. Мое попечение было первое — бежать в дом Григория Петровича Чернышева и благодарить его за оказанную мне милость, что я и исполнил; а сия милость тем больше ко мне оказана, что я никакого свойства, ни знакомства с ним не имею, и никакого такого у меня не было, кто б ему за меня слово замолвил. Все сие значит великодушное его сердце и человеколюбивую его душу. А с нами разговаривал он как с равными, не допуская нас и поклониться себе. Сие значит его смиренномудрие и что он, в великом чине будучи, тем не гордится, а употребляет оный в пользу и к показанию милостей к беспомощным. Пишучи сие, я мешаю благодарные мои слезы к нему с чернилами, да благословит его и весь дом его Господь Бог изобильными Своими щедротами. Во ожидании означенного экзамена упражнение мое было в приуготовлении себя к оному.

30 июня прислан к нам от коллегии приказ явиться 1 июля на экзамен. Мы, собравшись у коллегии, дожидались повеления. В 8 часов государь приехал в одноколке и, мимо идучи, сказал нам: «Здорово, ребята». Потом, чрез некоторое время, впустили нас в асамблею и генерал-адмирал приказал Змиевичу наперед расспрашивать порознь, что кто знаете о навигации. Потом, как дошла и моя очередь (а я был, по условию между нами, из последних), то государь изволил подойти ко мне и, не дав Змиевичу делать задачи, спросил: «Всему ли ты научился, для чего был послан?» На что я отвечивал: «Всемиловитейший государь, прилежал я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а более почитаю себя пред вами рабом недостойным и того ради прошу, как пред Богом, вашей ко мне щедроты». При сказывании сих слов я стал на колени, а государь, оборотив руку правую ладонью, дал поще-

* В публикации Л. Н. Майкова неверно: Кайсаров. — Примеч. ред.

ловать и при том изволил молвить: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли; а все от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству». Я, стоя на коленях, взял сам его руку и целовал оную многократно, а он мне сказал: «Встань, братец, и дай ответ, о чем тебя спросят; но не робей; буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, так и скажи». И оборотясь к Змиевичу, приказал расспросить меня; а как я давал ответы, то он изволил сказать Змиевичу: «Расспрашивай о высших знаниях». И по окончании у всех расспросов тут же пожаловал меня в поручики в морские, галерного флота и другого — Кайсарова, а и других также пожаловал, но ниже чинами. Через малое потом время указал государь определить меня, Неплюева, смотрителем и командиром над строящимися морскими судами, по каковому случаю видел я государя почти ежедневно, и всякий раз благоволил со мною разговаривать о всяких вещах и случаях. И от флагманов — Григорья Петровича Чернышева, к которому я во всякое свободное время хаживал, и от Змиевича слышал, что: «Государь-де тобою, господин поручик, является доволен и изволит говорить, что в этом малом путь будет». Они же мне подавали советы, чтоб я прилежал к своему делу и был бы исправен: «То-де его величество тебя не оставит; только будь проворен и говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; он-де больше рассердится, буде что солжешь». Их слова и вправду явились. Однажды я пришел на работу, а государь уже прежде приехал. Я испужался презельно и хотел бежать домой больным сказаться, но, вспомянув тот отеческий моего благодетеля совет, бежать раздумал, а пошел к тому месту, где государь находился; он, увидев меня, сказал: «Я уже, мой друг, здесь!» А я ему отвечал: «Виноват, государь, вчера был в гостях и долго засиделся и оттого опоздал». Он, взяв меня за плечо, пожал, а я вздрогнул, думал, что прогневался: «Спасибо, малый, что говоришь правду: Бог простит! Кто бабе не внук! А теперь поедем со мной на родину». Я поклонился и стал за его одноколку. Приехали мы к плотнику моей команды и вошли в избу. Государь пожаловал родильнице 5 гривен и с нею поцеловался; а я стоял у дверей; он мне приказал то же сделать, а я дал гривну. Государь спросил бабу-родильницу: «Что дал поручик?» Она гривну показала, и он засмеялся и сказал: «Эй, брат, я вижу, ты даришь не по-заморски». — «Нечем мне, царь государь, дарить много; дворянин я бедный, имею жену и детей, и когда бы не ваше царское жалованье, то бы, здесь живучи, и есть было нечего». Государь спросил, что за мною душ, и где испомещен? Я все рассказал справедливо и без утайки. А потом хозяин поднес на деревянной тарелке в рюмке горячего вина; он изволил выкушать и заел пирогом с морковью. А потом и мне поднес хозяин; но я от роду не пивал горячего,

не хотел пить. Государь изволил сказать: «Откушай, сколько можешь; не обижай хозяина». Что я и сделал. И из своих [рук] пожаловал мне, отломав кусок пирога, и сказал: «Заешь! Это родимая, а не итальянская пища». Потом изволил поехать, а я домой пошел обедать.

Был я также, по указу государеву, для переводу у чужестранных министров, когда их трактовали на новопущенном корабле, и когда государь изволил съезжать с оного, то пожаловал, мимо идучи, мне поцеловать руку.

1721 года, генваря в первых числах, был трактамент для всех бояр и для морских и гвардии офицеров, почему и я тут был. Мы, отобедав прежде, из-за столов встали, и я и со мною несколько человек вошли в ту камору, где государь сидел еще за столом; государь был очень весел и по малом времени изволил начать разговор, что ему потребен человек с итальянским языком — послать в Царьград резидентом. Александр Гаврилович отвечал, что он такого не знает, а Федор Матвеевич говорил, что он такого знает и очень достойного, но то беда, что очень беден. Государь отвечал, что бедность не беда. «Этому помочь можно скоро, но кто тот такой?» Федор Матвеевич сказал: «Вот он за тобою стоит». — «Да их стоит за мною много», — сказал государь. Федор Матвеевич отвечал: «Твой хваленый, что у галерного строения». Он оборотился и, глядев на меня, изволил сказать: «Это правда, Федор Матвеевич, что он добр, но мне хотелось его у себя иметь». Я поклонился государю; а он, подумав, изволил приказать, чтоб меня во оную посылку назначить; и при сем из-за стола встали, а меня адмирал поздравил резидентом и, взяв за руку, повел благодарить к государю. Я упал ему, государю, в ноги и, охватя оные, целовал и плакал. Он изволил сам меня поднять и, взяв за руку, говорил: «Не кланяйся, братец! Я ваш от Бога приставник, и должность моя — смотреть того, чтобы недостойному не дать, а у достойного не отнять; буде хорош будешь, не мне, а более себе и отечеству добро сделаешь; а буде худо, так я — истец; ибо Бог того от меня за всех вас востребует, чтоб злomu и глупому не дать места вред делать; служи верою и правдою! В начале Бог, а при нем и я должен буду не оставить». Сие говоря, оборотясь, изволил молвить: «Кого ж я возьму на его место?» И с тем словом опустил свою руку, а я при сем целовал оную; и изволил от меня отдалиться. Благодетель мой Григорий Петрович меня обнял и целовал от радости; а я не могу ему промолвить ни слова.

25 генваря из коллегии Иностранной прислан именной указ, дабы меня из Адмиралтейской коллегии прислать во оную для посылки резидентом ко двору султана турецкого в Константинополь.

26 генваря в Коллегии иностранных дел учинен мне, Неплюеву, оклад резидентский на год по три тысячи рублей; на подъем пожаловал государь тысячу рублей, а те деньги велено принять в Москве,

а инструкция дана из оной же коллегии февраля 26 числа, которого дня я имел отпускную аудиенцию, при коем случае его величество изволил поступать со мною с отменною милостию, обнадеживал своею государскою милостию и, прощаясь со мною, поцеловал меня в лоб и изволил сказать последнее таковое слово: «Прости, братец, кому Бог велит видеться!» О разговорах, при том бывших, не опи-сую, потому что запомнил, с единой стороны от того, что я обра-дован был таковым милостивым местом и отпуском; с другой сторо-ны, я совершенно был вне себя от печали и от слез, с ним, государем, прощаясь. Потом был я для прощания у господ министров, которые меня все обнадеживали своею помощию, а я просил их о неоставле-нии меня, потому что я сих министерских дел не отправлял. Был я также у всех наших морских командиров, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Змиевича просил я о неоставлении в случаях нужных жены моей и деревнюшек. Пришел к генерал-ад-миралу прощаться, донес ему, что я отъезжаю и просил его о нео-ставлении меня по заочности; он мне на сие только сказал: «Ду-рак!» Я, поклонясь его сиятельству, докладывал, что не знаю, чем его прогневал, а он мне на то отвечал то же слово: «Дурак!» На что я уже и не посмел ничего говорить, а он, помолчав, сказал: «С чем ты жену да детей оставляешь? Ведь им только что по миру ходить; для чего ты не просил государя, чтоб давать в твое отсутствие по окладу твоего чина им от нас жалованья?» Я ему на то докладывал, что того не посмел да и не думал; а он, выслушав сие, закричал на меня: «Потому-то ты и дурак! Да добро, помиримся и простимся с тобою! Коли будешь хорошо служить, так государь тебя не оставит и наградит; он и вчера со мною говорил; прикажи же жене своей, что ежели ей в чем нужда будет, то б ко мне за всем присылала, сколько ей будет надобно; я и деньгами ссужать буду». Я доложил на сие его сиятельству, что я жену намерен отправить в деревню, ибо здесь себя содержать не можно. «Ну, так вели ей ко мне пи-сать, — сказал на то генерал-адмирал, — я всякую ей помощь сде-лаю». Простясь я с ним, для того ж пошел к Григорью Петровичу Чернышеву; сей добродетельный муж простался со мною, как с кров-ным, и дал мне еще отеческое наставление, чтоб я служил и от-правлял дело мое с подлежащею верностию: «А прежде-де отъезда твоего сходи к Остерману и с ним ознакомься: он по вашим делам у государя в отменности; а я-де за тебя его уже просил, чтоб он тебя любил и чтоб дал тебе наставление, как тебе поступать». А сверх того и такое сделал мне благодеяние: из деревень его за-московных Ерополец был отдан в рекруты во флот один крестья-нин, именем Афанасий, который по той причине жил в доме Григо-рья Петровича и всему был обучен и весьма проворен; того он дал мне вместо денщика, а моего денщика взял на то место, уверив меня,

что я на сего человека могу во всем положиться. Простясь я с моим благодетелем, был у Остермана, который меня принял также весьма ласково и дал мне на многие случаи поучения, о чем я прежде по истине и не думал.

Из Санкт-Петербурга выехал я, и при мне сын мой Адриан, бывший тогда по 9 году, марта 9 числа 1721 году и заехал в деревню мою в село Поддубье и, тут 2 дни пробыв, оставив жену мою и сына моего Ивана и дочь Марью, сам отправился в путь, оставя жену мою беременну, которая и родила дочь Марфу, коя умерла вскоре. Приехав в Москву, получил я пожалованные деньги и закупил потребное; и тут я увидел, каким проворным и усердным человеком наградил меня Григорий Петрович.

1721 года сентября 8 числа прибыл я в Царьград и октября 17 числа имел купно с прежним посланником Даниловым аудиенцию у султана турецкого Ахмета, на коей о себе подал верующую грамоту, и прежде были на аудиенции у визиря его Ибрагима.

Того ж году октября 22 числа его царское величество Петр Первый самодержец всероссийский изволил воспринять императорский титул, и с того времени начали писать во всех письмах императором.

1722 года октября 31 дня отправил я сына моего Адриана и при нем дядькою вышеписанного Афанасья еропольского чрез Мальту и Францию в Голландию для науки, а в Голландию рекомендовал его послу князю Куракину.

Того же года его императорское величество Петр Первый изволил ходить с войсками в Персию против персидских бунтовщиков [бунтовщиков?] лезвов за учиненные от них убийства и убытки российским купцам в Шамахе; тем походом взят город Дербент.

В начале 1723 году прислана ко мне от его императорского величества полная мочь трактовать с Портою о персидских делах под медиациею французского посла марки де-Бонака по причине начатой его величеством войны в Персии, по случаю которой послан от Порты ко двору российскому посланник Капиджи-Пашаникли-Мехмет-Ага.

Того ж года месяца июля умер сын мой, Иван, 7 лет от роду.

В сем же году взят персидский город Баку.

Сентября 12 числа того ж году его величество заключил трактат с персидским шахом Тахмасебом. Вследствие вышеписанного полномочия происходили с турецкими министрами рейс-ефендием Мегметом да Хаджи-Мустафою-ефендием многие конференции, и наконец 1724 года июня 27 дня заключил я, Неплюев, под медиациею того посла марки де-Бонака, о персидских делах трактат, а теми разменялся с самим визирем Ибрагим-пашою, при чем визирь подарил мне шубу соболью да лошадь с убором.

С оным трактатом послал я ко двору переводчика Мальцева, которому, по прибытии в Петербург, велел я оному и мою реляцию подать в Коллегию иностранных дел, а с ним отправил письмо к моему благодетелю Григорью Петровичу Чернышеву, а также и к Андрею Ивановичу Остерману, следующего содержания:

«Милостивый ко мне государь Григорий Петрович! Ваше превосходительство первая причина моего благополучия, и я, по милостивому вашему предстательству, пожалован чином и награжден местом сверх моего достоинства; ныне же нахожусь, что, отпуская сего курьера и во ожидании — как мои дела приняты будут, в безмерном страхе, и если оные, к несчастью моему, не угодны окажутся его императорскому величеству, то по истине я жить более не желаю, но вам до последней минуты жизни с совершенным благодарным высокопочитанием пребуду».

«Милостивый государь Андрей Иванович! При отъезде моем милостиво меня обнадежить изволили не оставлять меня вашей протекциею, а как ныне, при получении сего курьера, вам, милостивый государь, к тому есть пространный случай, то о показании вашей ко мне милости и прошу покорно. Ей, ей, Богом свидетельствуюсь, что весь смысл мой употребил сделать его императорскому величеству угодное; но как принято будет и мог ли я предусмотреть все виды пользы, того не знаю, и сие меня мучит смертельно, и доколе не возьмею на оное ответа, в страдании останусь; и потому вас, милостивый государь, покорно прошу оказать ко мне и ту милость — уведомить меня, не умедля, ибо коллежское отправление так быть не может; а я за все то иным ничем воздать не имею, как славить вашу милость и до последнего издыхания пребыть со искреннейшею благодарностию и высокопочитанием».

Августа 25 числа получил я от Андрея Ивановича Остермана письмо следующего содержания:

«Милостивый государь мой Иван Иванович! Не имел я желанного случая оказать вам мои услуги по причине присланной пиесы вашей с господином Мальцевым, потому что пакет ваш и письма все партикулярные распечатаны в коллегии того ж дня в присутствии императора; я только предварительно вас могу уведомить и поздравить, что его императорское величество не токмо в том поступок ваш опробовать, но и наградить вас чином, деревнями и для фамилии вашей жалованьем соизволил. Позвольте ж мне вас со всем тем поздравить, а себе испросить у вас время по доказательству услугами моими самым действием того почтения, с коим я есмь и пребуду навсегда при должном почтении».

Сие письмо получил я, будучи на асамблеи у цесарского министра, и с сего часа начало проходить мое уныние, в котором я был с самого дня заключения трактата.

Августа 29 числа получил я указ, что его императорское величество, выслушав присланные письма с Мальцевым, опробовать мой поступок в том изволил и меня пожаловал: 1) капитаном морским 1 ранга; 2) деревнями в Устюжно-Железопольском уезде 400 душ; 3) жене и детям моим производить от Адмиралтейской коллегии жалованье полное по морскому моему чину; 4) сыну моему Адриану, находящемуся в Голландии, жалованья по 300 рублей на год с повелением обучаться ему математическим и прочим наукам. С ратификациею на оный трактат к Порте прислан генерал-майор Александр Иванович Румянцев.

1725 году в феврале месяце получил я плачевное известие, что отец отечества, Петр, император I-й, отыде сего света. Я омочил ту бумагу слезами, как по должности о моем государе, так и по многим его ко мне милостям, и ей-ей, не лгу, был более суток в беспмятстве; да иначе бы и мне и грешно было: сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут; а мне собственно, сверх вышеписанного, был государь и отец милосердный. Да вчинит Господь душу его, многотрудившегося о пользе общей, с праведными!

1727 году ее императорское величество государыня императрица Екатерина Алексеевна изволила жену мою повелеть, по прошению моему, отпустить в Царьград и на дорогу пожаловала 500 руб. и в провожатые с нею повелела отпустить с жалованьем флота лейтенанта Василья Ивановича Татищева, ее двоюродного брата, да прапорщика Наковальнина, и подводы до Киева с казенными прогонами; а того ж году августа 15 дня прибыла в Царьград.

1728 году июля 17 числа его императорское величество Петр II пожаловал меня, Неплюева, в галерный флот капитан-командором.

1730 году генваря 19 числа, в 3 часу пополудни, родилась в Царьграде дочь моя Анна, которая в замужестве Коммерц-коллегии за вице-президентом Луниным.

Того ж году декабря 2 числа ее величество государыня императрица Анна Ивановна пожаловала меня, Неплюева, в галерный флот шоубенахтом.

1731 году мая 12 числа, в 8 часу пополудни, в Царьграде родился сын Николай, который ныне находится в кадетском корпусе сержантом. (А сие о нем и о дочери моей приписано 1750 году).

1732 году от приехавшего из Афонских гор архимандрита был я заражен поветрием, почему, жалея жену мою и детей, также и служителей, в предместьи у Царьграда, именуемом Буюкдере, заперся во особую комнату и получал пропитание в окно, никого к себе не допуская; жена моя ежечасно у дверей о том со слезами просила

меня; но, при помощи Божией, приниманием хины с водою, которая понос производила, от той язвы хотя и исцелился, но с самого того времени чувствую частые и тяжкие припадки; а по вышеписанному обстоятельству, опасаясь быть причиною напрасной смерти жены моей и детей, вознамерился я их возвратить в отечество, почему против воли жены моей детей моих, Анну и Николая, из Царяграда марта 11 дня отправил с чрезвычайным посланником, князем Иваном Андреевичем Щербатовым, к Оттоманской Порте приезжавшим.

1734 году нашелся я столь отягчен болезнию и от того пришел в такую слабость, что медики отказались от пользования, и по сей причине принужден я был от правления дел отказаться и на свое место именем ее величества аккредитовать надворного советника Алексея Вешнякова, что учинено 30 декабря того ж году, а ко двору о всем вышеписанном представил; почему и прислан указ: быть на моем месте помянутому Вешнякову, а мне ехать в Россию.

В 1735 году прибыл я в С.-Петербург и пожалован тайным советником, с тем чтоб присутствовать мне в Коллегии иностранных дел.

В 1737 году послан я с двумя еще послами в Немиров, на конгресс, для трактования с турками; но в сем не преуспели, за несоглашением с другими послами; почему два наших посла и возвращены ко двору, а мне повелено, в ожидании удобнейшего к тому случая, ехать в Киев, а между тем быть губернатором для заграничной корреспонденции во время войны с турками, по окончании которой употреблен я полномочным министром к разграничению земель по трактату, с высочайшим государыни императрицы Анны Ивановны обнадеживанием, что если я сие исполню, то принят буду в особую ее милость и награжден буду орденом Святого Александра и великими деревнями, которое в 1740 году между рек Буга и Днестра мною и учинено, и возвратился в Киев во ожидании указа.

Того ж году декабря 4 числа преставилась в Киеве жена моя Федосья Федоровна и погребена над Феодосиевыми пещерами, внутри церкви, стоящей у земляного вала.

В том же году присланным указом повелено мне быть в Петербург для вящего объяснения по моей комиссии и для переговоров с турецким послом, в Санкт-Петербурге находящимся; по приезде моем в Петербург от правительницы Анны, по силе обещания императрицы Анны Ивановны, награжден орденом Святого Александра и немалыми в Украине деревнями, а именно: волостью Ропскою и местечком Быковым со всеми ко оным принадлежностями, в коих было более 2000 дворов; и пожалован я над всею Малороссиею главным командиром, почему я и из Петербурга и отъехал.

В проезд мой в Москве женился на девице Анне Ивановне, дочери покойного генерал-поручика Ивана Ивановича Панина, 1741 году

октября 7 дня, и с нею отправился к управлению Малороссиею, в Глухов. В исходе того года прислан в Глухов с объявлением о восшествии на престол императорской дщери Петра Первого, цесаревны Елисаветы Петровны, Александр Борисович Бутурлин, коему повелено меня, сменя от всех должностей, отправить в Петербург, а при том публиковать, так как и во всем государстве опубликовано было, что все указы, какого бы звания ни были, данные в бывшее правление, уничтожаются и все чины и достоинства отъемлются, и посему я увидел себя вдруг лишенным знатного поста, ордена и деревень; но как я во всю мою жизнь и всем бывшим на престоле службу отправлял по всей возможности сил моих и ни в какие придворные дела никогда и нисколько не мешался, то, возложась на Промысл Божий, выехал из Глухова немедленно и путь продолжал с поспешностью, дабы узнать скорее мой жребий и успокоить страждущую жену мою, которая, самое малое время жив со мною, ввергалась чрез меня, хотя и неповинно, чему Сам Бог свидетель, в такое бедственное и неизвестное состояние. Приехав в Москву, узнал от тещи моей, Аграфены Васильевны, что меня обвиняют дружбою с графом Андреем Ивановичем Остерманом и что он и другие признаны достойными наказания, и публично то над ними исполнилось; и хотя я ничего противного отечеству и самодержавной власти не только не делал, но не слышал, но, ей-ей, и никогда и не думал, со всем тем сия ведомость меня потревожила несказанно. В графе ж Андрее Ивановиче имел я всегда моего благодетеля, и за что он так осужден был, того также, по совести, как пред Бога явиться, не ведал; но, жалея бедную жену мою, старался ее ободривать; да и в самом деле возложился на Бога и на мою неповинность и с теми мыслями в Петербург прибыл и явился у князя Алексея Михайловича* и у князя Никиты Юрьевича**, кои мне всегда были благодетели. Князь Никита Юрьевич сказал, чтоб я ехал к принцу Гессен-Гомбургскому и ему доложил о моем приезде, что я и сделал. От принца прислан был ко мне приказ чрез несколько часов после моего у него бытности, чтоб я никуда не съезжал со двора, и потом уведал, что в бывшей особуочрежденной комиссии в 16 пунктах допрашивали графа Остермана: не ведал ли о сем Неплюев; а он давал ответы, как то и подлинно и было, что я ни о чем не был известен; и хотя он ныне несчастен, но я не могу отпереться, что он был мой благодетель и человек таковых дарований ко управлению делами, каких мало было в Европе.

В начале 1742 года прислан ко мне от принца приказ, чтоб я у двора явился, что я и исполнил, и при сем случае поставлен я был

* Черкасского.

** Трубецкого.

на колени пред церковью в то время, когда императрица Елисавета Петровна проходила во оную; она изволила, останувясь, возложить на меня паки орден Святого Александра и пожаловать меня допустить к руке; я, увидев дочь государя, мною обожаемого, в славе, ей принадлежащей, и в лице ее черты моего отца и государя Петра Первого, так обрадовался, что забыл и все минувшее и желал ей от истинной души всех благ и последования ей путем в Бозе опочивающего родителя. Потом сделал я визиты всем знатым. Старый мой благодетель, Григорий Петрович, принял меня как родного и все силы употреблял к защищению моей невинности, но не преуспел в том. Чрез несколько дней сделана мне от Сената повестка, чтоб я во оный явился, где мне объявлен ее величества именной указ, чтоб ехать в Оренбургскую экспедицию командиром, которая экспедиция учреждена в 1735 году для новоподдавшегося киргиз-кайсацкого кочующего между морей Каспийского и Аральского народа и для распространения коммерции, утверждения от того степного народа границы; а в каком состоянии я нашел тамошние дела, что преуспел, то ниже показано будет.

По содержанию того высочайшего повеления отправился я с покойным по невинности моей духом; но в несчастье таковое приведенная жена моя с самого сего дня поверглась во уныние, и от того никаким советом ее я извлечь не мог, от чего и почувствовала тяжкие болезненные припадки. Прибыл я, наконец, с нею и с детьми моими, Аниою и Николаем, в Самару, в котором, на Волге лежащем городе, все командиры той экспедиции имели свое пребывание, а граница оставалась вся неукрепленною, кроме некоторого малого числа крепостей по Самарской и Яицкой линиям, и главнейшая из тех крепость, именуемая Оренбург, а после мною переименованная Орскою, на реке Яике, была окружена забором из плетня, осыпанным земляным бруствером, и снабжена малым числом гарнизона. В ту крепость Орскую по однажды в год езжали командиры со многочисленным конвоем, потому что по всей той линии регулярных команд нигде не было, кроме беглых крестьян, названных казаками, в некоторых местах населенных, а в зиму и вовсе коммуникация с Яицкою линиею пресекалась.

Уведав о всем том, первую должностно почел осмотреть все места и положения той линии; почему того ж 1742 году по оным и ездил и, сделав примечания, определил: заведенные селения и вновь мною на пустых и удобных местах назначенные укрепить по правилам фортификационным и, от степного народа к обороне достаточным, снабдя все те места гарнизоном из регулярных, артиллериею и пороховыми казнами, а прежде меня названную крепость Оренбургскую переименовать Орскою по близости реки того названия, укрепить валом с бастионами. К переименованию ж имени сей крепости,

и что я за главную к торговле ту не мог назначить, были таковые причины: 1) то место безлесно; 2) построена на поемном месте и по сему к житью нездорова; 3) для произведения торговли, по отдаленности и по опасности в проездах купцам российским, неспособная; 4) в проезд к той крепости по пустым местам всегда подвержены были купеческие капиталы граблению от киргизцев, что и ежегодно исполнялось. Для всех сих обстоятельств и более для ближайшего надзирания над склонным к бунтам башкирским народом, внутри тех линий поселенным, избрал я место ниже по течению реки Яика прежде означенной главной крепости 250 верст и основал тут крепость, которую и наименовал, следуя первому названию, Оренбургом. О всем вышеписанном донес я как в Сенат, так и в Коллегию иностранных дел, от коих и получил во всем том апробацию. Возывев тоё, было мое старание привести тот город в порядок, как для безопасности жителей, назнача оный оградить рвом и валом с каменную одеждою в цирконференции без мала 5 верст, и снабдить достаточным гарнизоном и поселянами, для коих, как и многие публичные строения, построил я из казны, приманивая купцов из Самары и из других мест разными выгодами; а как во всяком случае лучший пример к снесению труда может подать командующий, то я сам на том месте жил в палатках до ноября месяца, имея только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковые и у последнего жителя были, и не прежде в построенный командирский дом вошел, как и все жители — в их дома, а гарнизон — в казармы, и более уже (по прежнему обычаю командиров) в Самару, то есть в Русь, не возвращался. Сие исполнив, обратил я мое внимание на приманивание к торговле купцов из России, также и азиатцев. О первых писал я во все магистраты, уверяя, что польза собственная их из слов моих будет свидетелем; а для вторых посылал я за границу грамоты, приглашая как киргизцев, так хивинцев, ташкенцев, кашкарцев, трухменцев и бухарцев к торговле, обнадёживая и сим их пользою. В сию посылку употреблял я магометан, татар слободы Сеитовой; и как сей народ легко ослеплен быть может корыстию, то я сих татар и наградил изобильно и обнадёжил, по исполнении их комиссии с успехом, наградить еще более*, кои, получа первое и льстясь последним, столь усердно по всем тем областям старались, что с 1745 году знатный торг в Оренбурге возмел начало, так что я уже в состоянии был, вместо получаемых от начала той экспедиции ежегодно до 30 000 р. из казны, содержать оную от доходов пошлинных; а сверх того, ввезено торгом в Россию

* Слобода Сеитова под Оренбургом на реках Сакмаре и Каргале основана Неплюевым в 1744 году и первоначально была заселена зажиточными торговцами людьми из казанских татар.

вошедшего в объявлении с лишком 5000 р. серебра, а более того числа вошло, кое не было в объявке, и не мало золота, а пошлинный сбор доходил до 50 тысяч в год. Прежде меня от бывшей коммерции никогда трех тысяч в год не приходило.

В 1743 году ездил я выше той Орской крепости, вверх по рекам Яику и Ую, которое расстояние от заложенного мною Оренбурга с лишком 700 верст, на коем, кроме Верхояицкой крепости, по всей линии никакого не было укрепления и селения. По удобным местам назначил я сзидать крепости и редуты и те снабдил гарнизонами и всем потребным; к размножению ж торго за полезное признал и на Уйской линии построить одну крепость познатнее для того, что к той реке прилегают киргизцы Средней Орды, коим в Оренбург на торг ездить, за отдаленностью, не было удобно, а более для обуздания башкирцев Ногайской дороги. Все сие мое учреждение получило апробацию; а я, видев делам моим успех в пользу отечества, был совершенно доволен и спокоен, забыв ту прискорбность, с коею в сию экспедицию прибыл. На возвратном моем пути с верхней линии превозмогла грусть жену мою, которая в том же году в Орской крепости преставилась. Я спешил удалиться с сего места, что и исполнил, отдав ей последний долг пристойным погребением.

В 1745 году представил я о переименовании сей экспедиции в губернию и о приписании ко оной от Казанской, Уфимской и от Сибирской Исецкой провинций, что также апробовано. Во многих местах лежавшие от начала праздно в недрах земных минералы старанием моим сделались открыты; а по сему и желающие явились заводить разные заводы, коих польза, как общая, так и частная заводчиков, всем уже известна, почему я описывать то оставляю.

В 1750 году дозволено мне было, наконец, у двора на время явиться, дабы трактовать со мною по представлениям моим о начатии торго в Индию; почему я в Петербург и приехал. И в сию бытность, следуя воле моей, женился сын мой Николай на дочери Санкт-Петербургского обер-коменданта, князя Федора Васильевича Мещерского, Татьяне, что и исполнилось мая 30 числа 1751 года, а в том же годе, в день торжества восшествия на престол, пожалован я действительным тайным советником и отправлен обратно в Оренбург, не возмев, к огорчению моему, успеха о начатии предприятия мною в пользу России торго с Индиею. Возвратясь в Оренбург, пребывал там во исполнение по всей возможности моего долгу спокойно.

В том же 1751 году сын мой, Николай, бывший сержантом, атествован и в докладе написан в подпоручики кадетского корпуса, по прошению моему выпущен в поручики армейских полков и определен в мою команду, почему и причислен мною в должность генерал-адыютанта.

В начале 1752 года, по именному указу, пожалован капитаном сын мой и прибыл с женою и двумя его сыновьями, Иваном и Николаем, ко мне в Оренбург и употреблен мною к правлению дел как по воинской команде и заграничной экспедиции, так и к сочинению по всем тем и губернским делам от меня в Сенат, в коллегии Иностранную и Военную представлений, а сверх того, будучи я уже дряхл, вместо себя посылал его в разные места делать примечания для бессомнительного и вернейшего моего познания.

В 1754 году родился мне третий внук, коего я наименовал Самсоном по той причине, что прадед мой был того имени, который, будучи выгнан от родного своего брата из наследного ему дома, дожил век свой в недостатках терпеливо, но Провидение, награждающее смиренных и наказующее злых, не токмо тому праведному Самсону принадлежашую, но и брату, обидевшему его, части доставило отцу моему.

В 1755 году 13 числа преставился внук мой Николай, всякого портрета к сыну моему лицом сходнейший, а в том же годе июля 20 дня скончала жизнь и невестка моя, Татьяна Федоровна. Скорбь, сею утратою сыну моему причиненная, потому что они жили столь согласно, как редко и примеры бывают, меня сокрушила. Стараясь его удалить от предмета, им столь любимого, примыслил о отправлении его вверх по линии осмотреть вместо себя как оную, так и внутри живущих башкирцев, нет ли им от кого обид, что я и почасту чрез него, сына моего, дельвал; и как только объявил о сем пути, то в ту ж ночь приключилась мне пражестокая горячка, и хотя жар мой пушанием крови и убавлен, но продолжаясь, умножал мою слабость, почему я и принужден нашелся отменить отправление сына моего. На третий день после сего получил я из Исецкой провинции репорт, что башкирцы Ногайской дороги, убив всех присланных от Кабинета для сыскания к фарфоровому заводу глины и каменотесцев, все взбунтовались по рассеянному во всех местах и почти в один час возмутительному письму, коего сочинитель был один из их духовных, именуемый Батырша, который имел в рассеянии того почти всех духовных себе помощниками; причины в том по их суеверию показаны, что они состоят правоверные под игом безверного христианского народа, и чтоб каждый верящий в Бога и последующий праведному Магомету принял в защищение закона оружие, хотя б и с погибелью каждого и всех в рассуждении могущей встретиться превосходной силы, но зато несумненным награждением обещанных благ в Алкоране; а в самое ж то время посланы от него, Батырши, как в Казанскую губернию к татарам, так и киргиз-кайсацкому народу, кочующему за Яиком, таковые ж письма, в коих назначен был день и час к начатию сего возмущения; почему вдруг по предписанному времени весь башкирский народ взбунтовался. Оный

башкирский народ с начала подданства царю Ивану Васильевичу, по их природному зверству, прежде бытности моей в разные времена бунтовал 6 раз; а киргизцы начали производить набеги за границу как для погубления россияни, так и для вспоможения башкирцев. Все сие, как выше я сказал, приключилось во время тяжкой моей болезни, но, к счастью, оставившей мне память к принятию мер потребных, кои состояли в том, что я послал ордера:

1) Во все по линии крепости и редуты о наблюдении к защите должной предосторожности; в случае возможности о делании поисков над злодеями.

2) О немедленной высылке из яицкого войска тысячи человек казаков.

3) К находящимся команды моей армейским трем драгунским полкам — Московскому, Троицкому и Ревельскому, чтоб немедленно внутрь Башкирии вступили и тамо делали поиски, не щадя не токмо жилищ, но самых башкирцев, жен их и детей для укоренения страха к недопущению сему злу распространиться.

4) В Казанской же губернии пребывающим четырем армейским полкам писал я, что хотя они и не в моей команде, но начинающееся зло есть такого рода, что каждый по должности и присяге обязан быть послушным начальнику, как-то мне, в губернии, в которой оное открылось, и потому я высочайшим ее императорского величества именем командирам тех полков определяю поспешить приходом своим в Оренбургскую губернию, а в случае паче чаяния их послушания подвергнут себя командиры тягчайшему по законам штрафу; по приближении ж каждого полка найдет командир в предписанных местах себе наставление, куда следовать и что делать, — каковые наставления от меня во все места, куда тем полкам по способности следовать надлежало, с нарочными офицерами, знающими внутренность положений башкирских жилищ, и разосланы.

5) Наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Тайше писал я, скрыв однако ж от него башкирское возмущение, чтоб он прислал тысячу человек калмык по причине умножающихся от киргизцев наглостей, которым киргизцам те калмыки были, есть и будут по ненависти, врожденной в них, неприятелями.

6) На Дон к атаману писал я, чтоб прислал немедленно тысячу человек казаков.

7) Оренбургских тысяча человек казаков и 500 ставропольских крещеных калмык отправил я по линии в те места, где более киргизских набегов имел причину опасаться, куда и пришедших яицких казаков под командою ландмилицкого Шешминского полка капитана Тимашева, человека мне весьма надежного и во многих случаях о храбрости его, будучи в полках, и в знании, как с сими неприятелями поступать, изведенного.

8) С самого ж начала получения о сем известия писал я к киргизскому Нурали-хану, чтоб он народ свой удерживал от вспоможения бунтовщиков башкирцев, а как оный хан над своими народами не самовластен, то я при том же велел писать и ко всем знатым старшинам моему сыну со обнадеживанием за послушание высочайшей ее величества милости, которой опытом предварительно подтвердил я некоторыми им подарками, а в случае их ослушания пристрашиванием их достойного наказания; тому ж посланному в Киргизскую орду из магометан толмачу были от меня даны секретно сделанные нарочно на татарском языке листы от имени пребывающего в Оренбурге магометанского ими почитаемого знатного духовного такого содержания, что он подвигу своих одноверцев хотя и радуется, но как башкирский народ, о чем и им, киргизцам, известно, вероломный и непостоянный, то он опасается, чтоб оный, возмев успех в своем предприятии с помощью их, киргиз, потом первую жертвою себе назначит их же, киргизцев. Таковы листы посланный мой иногда нарочно обранивал, а иногда по дружбе и отдавал в руки; хотя сие средство, употребленное мною в старшинах и в хане, и имело желаемое действие, но вообще в народе не произвело успеха; ибо тот киргизский народ, будучи кочевой и степной, ко всякому воровству и грабительству наклонный, не внимал никаким увещаниям, а пользовался сим случаем, чтоб наживаться.

9) С получения ж о том бунте ведомости разослал я во всю Башкирию грамоты, коими прошались все бунтовщики, кроме зачинщиков, так что все без малейшего наказания останутся и пребудут при прежних своих вольностях, если с получения сего принесут повинную, а кто помянутого Батыршу, поймав, привезет в Оренбург, тому обещано дать 1000 руб.; а буде из простых, то старшинское достоинство с награждением богато осыпанной каменьями сабли, лисьей шапки и кафтана, а буде кто из последователей его, Батырши, 10 человек имянитых его учеников, поймав, приведет, тому дано будет 500 руб.; буде же и за сим милосердным объявлением оный башкирский народ останется в возмущении, то с оным и с женами их поступлено будет как с злодеями, без пощады и малолетних их детей. При сих грамотах разосланы также в Башкирию, от имени предупомянутого в Оренбурге находящегося духовного, нарочно сочиненные мною листы, коими он увещевал к усмирению, а что известный Абыз-Батырша не что иное есть, как прелестник и нарушитель их покоя, что таковое за закон вступление без подтверждения всего их духовенства не может быть согласно с святою книгою Алкораном, а посему и конец сему будет только их погибель; он, якобы сострадав об них и по их невежеству сие им упущая, советует, а инако должность его требует их признать за противников закона. По сему и по вышеписанным в Киргизскую орду посланным

письмам, дабы прикрыть и вероятнее показать мною сделанное, принужден был ласкать поминаемого оренбургского ахуна и с ним иногда нарочно в присутствии других магометан о сем возмущении советовать; он, как то и подлинно не глуп, недалеко отходил своими рассуждениями от написанного мною от его имени, хотя он о том и ничего не ведал.

10) Живущим же в Башкирии народам тевтерьякам, мещерьякам, которых башкирцы до вступления под Российскую державу считали своими подданными, послал я тогда грамоты, поощряя их против бунтовщиков башкирцев к вооружению, как то по подданнической должности, так и для собственной своея безопасности; ибо ненависть и гордость против их башкирская им довольно известна, и что главнейшая причина их возмущения есть та, чтоб обратить их в прежнее рабство, а к поимке известного Батырши и его учеников я на них, мещеряков и тевтерьяков, более всех надеюсь; желал бы, чтоб обещанное за то награждение из них кому досталось.

О всем вышеписанном донес я ко двору с курьером, с которым я и получил на все апробацию; но между тем, пока команды в Башкирию доходили и отправленные от меня нерегулярные войска пришли в назначенные места, многое убийство от тех злодеев произошло и с такою свирепостию, что, убивая россиянина, тело его в куски резали, и сожгли завод Александра Ивановича Шувалова. Не могу и сего пропустить молчанием, что при толь к возмущениям неправильным причинам как от того Батырши, так и от всех его сообщников в рассеянных письмах, а по производившимся после допросам, ни одного слова к нареканию моему в управлении ими не написано и не сказано. Разосланные в Башкирию от меня грамоты имели тот успех, что многие, от намеренного зла отстав, приходили с повинными, почему от меня и даваны таковым за моею рукою охранительные указы. Тевтяри и мещеряки с такою ревностию против башкирцев вступились, какой только желать возможно было, а знатнейшие их старшины отправили от себя для сыскания тех возмутителей таких людей, которые их и в лицо знали. В сей же поиск поехал один престарелый и мною всегда любимый старшина мещеряцкий, коему было более 80 лет от роду.

По приходе ж всех мною требуемых и ожидаемых команд в Башкирию не могли уже бунтовщики во оной остаться, а принуждены нашлись перебираться за Яик, по условию своему, к киргизкайсакам, и хотя от меня к пресечению и того приняты меры, но как линия продолжается с лишком на 1000 верст, то во всех местах того отвратить было не возможно, почему башкирцев с женами и детьми перебралось более 50 000 душ. При перелазгах за Яик многие побиты, а лошадей и имение их, кое при них было, велел я отдавать тем командам, которые при деле были; к чему я употреблял

более некрещеных калмык и донских казаков. Башкирцы, увидя себе к переходу к киргизцам препятствия, обращались в дома и приносили повинную, почему таковые все были прощаемы; но я сим покорением их не успокоился, потому что сие было сделано от них по нужде, и что мне толикаго войска содержать в губернии не всегда возможно, то по сему обратил я мое внимание на искоренение той надежды, которую башкирцы на киргизцев имели, что я и исполнил следующим образом. Послал я грамоты от себя в Киргизскую орду с разными татарами Сеитовой слободы, а в тех было написано, что ее императорское величество, примечая непоколебимую верность к себе киргизского народа, хотя некоторые из молодых людей, и то самая малая часть, попользнулись, будучи обмануты башкирцами, делать внутри границ набеги, но сих по их преступлению наказать предоставляет киргизскому хану, однако с тем, чтоб никто из них не лишен был жизни; и сие все писано было для того, ибо хан там, как выше писано, не самовластен и никого не только жизни лишить, но и штрафовать не может, но для лучшего успеха последующих тоя грамоты строк; прочих же того народа милует ее величество женами, и дочерьми, и имением перебежавших к ним башкирцев, но с тем, чтобы мужчины отвезены в Россию или бы выгнаны были из их кочевья, за исполнение чего, сверх того, награждение получит каждый по мере своея в том услуги.

Не успели сии грамоты привезены быть в орду, как склонные к плотскому падению магометане киргиз-кайсаки тем пожалованием желали пользоваться. Башкирцы ж, мужья и отцы, увидев в своих защитниках и обнадеживателях такое над женами их и над дочерьми насильство, принуждены нашлись защищать их с потеряннем жизни, и сим способом погибло не мало башкирцев и киргизцев. Ушедшие из орды, выгнанные присуждены были возвращаться на прежние жилища, потеряв жен и детей и свое имение. На границе ж от меня приказано было таковых пропускать в их жилища, дабы слухом сим отнять у всех башкирцев ту надежду, которую они на киргизцев имели. Многие, потеряв матерей, сестер, жен своих и дочерей, приезжали ко мне просить дозволения переехать им за Яик для отмщения и воздаяния за обиду обманувшим их киргизцам; я в них более старался влагать к ним ненависти; но чтоб дозволить им в улусы их ехать, того я без указу не могу, ибо довольно с них и тоя милости, что они за возмущение остаются не наказанными, для того, что киргизский поступок с женами их и дочерьми довольно для них наказателен; желая ж еще более вражду между сими народами вкоренить, велел я переводчикам, чтоб они от себя им советовали, что: «Генералу-де ехать вам позволить нельзя, а буде вы и поедете и киргизцев разобьете, так надеемся-де взysкивать на вас не будут».

Они, обрадовавшись сему совету, многими партиями собрались и поехали за Яик против киргизцев, которые, плавая в новом сластолюбии и вознадеясь, что разоренные башкирцы не осмелятся о женах и детях своих и помыслить, пребывали беспечно.

Между тем послал я по линии к командирам секретные ордера, что если башкирцы, без семейства и по их обычаю вооруженные, будут за Яик перебираться, то бы они не воспрещали, а притворились бы так, будто того не приметили.

Озлобленные башкирцы обратили всю свою ярость на ближайшие киргизские улусы, многих побили и взяли их жен и детей и весь скот. Хан не умедлил меня о сем уведомить и требовал отмщения, — которым* я отписывать хотя и обещал, но велел сказать хану и отписал к нему письмо, что если бы они** тех злодеев прежде не принимали, то б и сего произойти никогда не могло, и что, сколько мне известно, весь башкирский народ только о том и мыслит, как погублять киргизцев, и если мною не были удерживаемы, то б киргизцы скоро увидели истину слов моих. Пока сей присланный от хана у меня был, то я получил репорт с линии, что киргизцы, более как в 2000 человек, покушались перейти чрез Яик, но встречены будучи некрещеными калмыками и донскими казаками, разбиты, а для верности один из тех киргизцев скованный ко мне прислан. И как некоторая часть киргизцев, желая спастись бегством после того сражения, попалась на наехавших для отмщения башкирцев и теми киргизцы почти все переколоты, а остальные гнаны были до их улусов, в которых башкирцы взяли множество лошадей и в дома свои перебрались, я в том письме моем к хану приписал и сие обстоятельство, укоряя его, что если башкирцы и без позволения моего к ним для воровства ездят, напротив чего пленный киргизец показал, что о намерении их, киргизцев, к впадению в Башкирию он, хан, был известен и то апробовал, чему однако ж я не верю и того пленного киргизца, по дружбе моей к нему, хану, отпускаю, дабы он был известителем, как то дело происходило; а при том советую ему, хану, и всем старшинам, чтоб они народ свой вещевали, дабы впредь таких продерзостей делать не отваживались, а инако я принужден буду, к утверждению вновь в верности, башкирский народ обратить к нападению на их улусы и подкреплять оный всеми в моей команде состоящими силами. Сие происшествие положило таковую вражду между теми народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна. В Башкирию послал я указы, чтобы отнюдь никто не дерзал без позволения моего за Яик ездить и что мне неприятно было услышать жалобы от киргизского хана, что некоторые баш-

* Башкирцам.

** Киргизы.

моего кончится; бывал я ежедневно у моего должностного, но немой, ибо никто уже и мнения моего не требовал.

В сем-то мучительном состоянии пребывал я до самого того дня и часа, как Всевышнему благоугодно оказалось утешить опечаленную Россию восшествием на престол императрицы Екатерины Алексеевны, что исполнилось 28 июня. При отшествии ее величества в Петергоф с частью гвардии полков и артиллерии вручен мне был в сохранение дражайший залог отечества нашего, его высочество государь цесаревич Павел Петрович и столичный город Петербург со всеми во оном находящимися воинскими командами, сын же мой взят при ее величестве следовать. По благополучном ее величества из Петергофа возвращении употреблялся я, по милостивой высочайшей доверенности, во все дела; внук мой Иван пожалован князем Михайлою Никитичем Волконским вахмистром; а когда, по принятому намерению, ее величество изволила для коронования и миропомазания на императорский престол отъезжать в Москву, то благоволила помазанница Божия меня в Петербурге оставить, поручив мне в главную команду как сию столицу, так и все оставшиеся воинские команды, и в конторе сенатской повелено мне быть первым присутствующим, а на стол пожаловано мне в месяц по 500 рублей, награждая меня при самом отъезде в Селе Сарском орденом Святого Андрея. В сие отсутствие был я счастлив получать собственноручные ее величества повеления, кои все и отданы от меня для сохранения сей монаршей щедроты в род моему сыну; он же, сын мой, послан был от меня в Москву как для познания его жребия, а более для дел по данной мне доверенности.

1763 году апреля 11 числа, по высочайшей милости, пожалован сын мой вице-президентом в Камер-коллегию и того ж года по исходе сюда прибыл, а в том же годе и всемилостивейшая наша мать и государыня благополучным возвращением в Петербург всех обрадовала, и я ежедневные имел знаки ее величества ко мне благоволения и исправлял по всей возможности смысла моего все доверяемые мне комиссии, о которых подробно описывать не настоят моего намерения, ибо я только веду историю о всем том, что ко мне единственно принадлежит.

В 1764 году, июня 20 числа, ее величеству угодно было отъехать в Остзейские провинции, а мне паки поручить в главную команду Петербург и все команды, а его высочество, под смотрением графа Никиты Ивановича Панина, остался в Селе Сарском, и я попрежнему переехал жить во дворец. По причине бывшей сыну моему лихорадки рассуждаемо было медиками сделать ему движение; почему он, будучи на 29 дней уволен, поехал в новгородские деревни, — я же в течение ее величества отсутствия награждаем был

почасту наполненными милосердия указами и пребывал в желаемом спокойствии и благополучии.

20 числа июля месяца, а в оное пополуночи в 2 часу, был я разбужен по случаю присланного ко мне из Сарского Села от Никиты Ивановича Панина бригадира Савина, через которого он на словах приказал мне следующее, что некто из малороссиян, именем Минович, дослужившись до офицерства и быв в Слюссельбургской крепости на карауле, предпринял злодейский умысел сделать возмущение, при коем несчастно рожденный принц Иоанн лишился жизни, и хотя он, Минович, и его сообщники все переловлены и содержатся под караулом, но потребно взять и в столице по сему случаю должную предосторожность и, сие объявляя, он, Савин, от меня обратно в Сарское Село поехал, а я того ж моменту послал к себе позвать правящего генерал-прокурорскую должность генерал-майора князя Александра Алексеевича Вяземского, и пока он ко мне не приехал, отправил нарочного на почте через Новгород к моему сыну, чтоб он, по получении моего письма, тот бы час и ни для чего не отлагая, всевозможно поспешил скорее ко мне возвратиться. По приезде оного князя сделали мы совет, что публиковать о сем происхождении не было нужды, а за нужное признали уведомить всех команд командиров; а о том, что тот несчастно рожденный принц был в Слюссельбурге, мы прежде и не ведали, почему и послал я к себе звать князя Александра Михайловича Голицына, Федора Ивановича Ушакова, Федора Ивановича Вадковского, Семена Ивановича Мордвинова и Николая Ивановича Чичерина и о сем им сообща, рекомендовал, чтоб каждый в своей команде делал примечания о порядке и о спокойствии имел бы попечение.

С самой той минуты, как я Савиним разбужен был, находился я в превеликом беспокойствии, ибо Сам Бог — сердца моего зритель, что я здравие и благополучие всемилостивейшей государыни моей в тысячу крат дороже считал моей жизни, а о происхождении и намерении сего злодеянина я более, как выше сказал, ничего не ведал; а происходило о том следствие от Никиты Ивановича чрез посланного от него в Слюссельбург генерал-поручика Веймарна. От сего времени почувствовал я вдруг ослабление глаз, так что я и в очках уже худо стал видеть и чрез короткое потом время лишился совершенно зрения, о чем ниже будет писано. Сын мой возвратился из деревни, коего я ожидал с великим нетерпением.

Богу сохраняющую к благополучию России обладательницу нашу, соизволила ее величество возвратиться благополучно в Санкт-Петербург июля месяца 25 числа, а я переехал паки в мой дом и, исполняя по званию моему должность, наслаждался монаршею щедротою; а как зрение мое и вовсе меня оставить приближилось, посему против желания моего (ибо намерение мое было служить до конца

жизни) принужденным нашелся просить о увольнении меня от всех дел. Милосердая мать отечества, снишед на мою просьбу, наградила меня 20 000 рублей и деревнями в Малой России, засвидетельствуя о службе моей милосердыми указами следующего содержания:

Указ нашему Сенату

Тайный действительный советник и сенатор Неплюев, по долговременной предкам, нам и отечеству службе пришел в глубокую старость, всеподданнейше просил, по слабости своего здоровья, увольнения от всех военных и гражданских дел, так как и свободы окончать остатки жизни своея спокойно, где он пожелает. Мы, не токмо совершенно ведая все прошедшее время похвальной его службы, но и сами довольные, имея опыты отличной его верности и усердия к нам и отечеству, всемилостивейше снисходя на его прошение, дозволяем ему, сенатору Неплюеву, по смерть его жить ему свободно от всех военных и гражданских дел там, где он пожелает, и, сверх того, жалуем ему на оплату долгов двадцать тысяч рублей.

Указ нашему Сенату

Всемилостивейше пожаловали мы нашему тайному действительному советнику сенатору и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву за долговременную службу, а особливо за учиненное им, в бытности его в Оренбурге, знатное приращение государственных доходов, малороссийские волости, Чеховскую и Ямпольскую, со всеми принадлежащими к ним хуторами, деревнями, селами и местечками и принадлежностями, в вечное и потомственное владение.

Ноября дня 1764 года.

На подлинном подписано высочайшею ее императорского величества рукою тако:

Екатерина.

По отдании моего за ту высочайшую милость ее величеству рабского благодарения вознамерился я, в надежде воспользоваться теплейшим климатом, отъехать в Малую Россию, в новопожалованные мне деревни, а прежде побывать на моей родине, то есть в новгородских деревнях, поклониться гробам моих родителей, до коих проводить меня испросил я быть отпущену моему сыну.

В новгородских деревнях был я 11 дней и поехал чрез Москву в Украину. В Ямполь прибыл я февраля 6 дня 1765 году. О сих малороссийских деревнях описывать не буду; к счастью ж моему, пребывал в то время в Глухове командир всея Украины граф Петр Александрович Румянцев и с графинею Катериною Михайловною, которые обращались со мною с таковою снисходительностию и ласкою, каковая редко и от родных оказуема бывает; но сие в рассужде-

нии их свойств и не удивительно, ибо он, будучи человек отменно-го разума, а она — жития добродетельного, воздавали мне тем усердием, каковым я всегда к дому их был наполнен.

Того ж 1765 года в исходе июля месяца сделался мне столь тяжкий болезненный припадок, что я с великою нуждою и едва мог начальные литеры имени и фамилии моей написать к моему сыну, а уже и не надеялся, хотя только того и желал на свете, чтобы его увидеть и с ним проститься; и то письмо, по благоденствию графа Петра Александровича, с нарочною штафетою в Петербург отправлено, а я с сего времени лишился совершенно зрения, так что уже солнечного сияния нисколько видеть не мог.

23 июля прибыл в Ямполь сын мой и нашел меня при последнем уже издыхании, потому что с самого начала сей болезни я был в непрерывном жару. Голос его и чрезвычайная моя радость, его осязая, как от сна меня возбудили, и сими-то двумя движениями отворились геморроидальные крови, и хотя от многого течения тех ослаб, но жар весьма умалился, и чрез неделю я уже в состоянии был вставать с постели. По внушению сыну моему всех потребных сведений о Ямполе, и как сия деревня совсем разоренные, то чем их хотя несколько поправить, советовал я сыну моему ехать посмотреть и другие пожалованные деревни, в Переяславском полку лежащие, а он при том возжелал отдать долг на гробе своей матери в Киеве, поехал от меня в начале сентября месяца.

В исходе сего месяца паки тем же припадком я страдать начал и дошел чрез двои сутки в такое же состояние, в каком нашел меня прежде сын мой, почему я и принужден был его звать к себе, а между тем граф Петр Александрович и графиня прислали ко мне доктора и о моем покое и поправлении здоровья столько старались, как бы были со мною единоутробные. Возвратный приезд моего сына вновь оживил меня, а как я пришел в желаемое состояние, то убеждаем я был от него просьбою и слезами, чтоб жил с ним вместе в Петербурге, на что я и согласился, но, однако ж, с тем чтобы жить не в городе, а на даче; вследствие чего я с ним января 8 числа 1766 года в Петербург и приехал и, пробыв у него в доме несколько дней, переехал на дачу, где я и жил по сентябрь месяц; а того 20 числа поехал я в новгородские мои деревни, в село Поддубье, куда и прибыл благополучно.

В исходе декабря месяца приехал ко мне сын мой для свидания со мною на три недели, и с ним господин ассессор Баролевский. Тут мы положили намерение отправить внука моего Ивана для обучения в чужие государства, почему он, по воле графа Никиты Ивановича, и послан в Швецию, где и был с лишком 2 года. Утешив он меня в старости, отъехал я 20 числа генваря 1767 году, назнача

прежде места к начатью каменной церкви во имя святого пророка Предтечи Иоанна.

О всех мне припадках и домашних мелкостях описывать не рассуждаю, ибо все деревни и все имения во употреблении его, моего сына, мне ж потребных как деньги, так и прочая провизия от него присылаются. Упражнение ж мое было привести сию новгородскую деревню в такое состояние хлебопашества, чтоб она довольствоваться могла дом петербургский Николая Ивановича и дачу всяким хлебом. Соседи, каковы есть, все ко мне ласковы и ежедневно у меня из них по несколько бывает. Оставшееся затем время провождаю я в слушании книг, для чего и два чтеца при мне содержатся, а ни о каких новостях, ниже о газетах, я уже не желал слышать, потому что считаю себя уже отшедшего от мира.

В 1768 году, в начале декабря месяца, заехала ко мне невестка моя и со внуком Дмитрием и, пробыв у меня 10 дней, отправилась для богомолия в Нилову пустыню. Я уже лишен был того удовольствия видеть черты моего внука, но и тем был несказанно обрадован, что мог его осязать.

1769 году возвратился из Швеции в Петербург внук мой Иван, а я просил чрез письмо ее императорское величество о пожаловании его в гвардию офицером и увольнении его вояжировать в чужие государства.

Того ж года в октября месяце выпущен он по именному указу в армейские капитаны с дозволением ему вояжировать.

В исходе ноября месяца прибыл ко мне внук мой Иван, и с ним майор Рейцентштейн, с которым, по условию моему с сыном, имел он вояжировать.

1770 году, в январе месяце, отъехал он с тем майором из Петербурга, а чрез какие места, где был, как принят и что приметил, о том журнал руки его имеется.

В сем же году посетил меня и сын мой.

Тем же я обрадован от него и в нынешнем 1771 году.

1772 года, в марте месяце, возвратился внук мой Иван из чужих краев и, по совету отца своего (на что и я согласен), отправлен в первую армию и имел с собою рекомендательное письмо к графу Петру Александровичу только от одного графа Захара Григорьевича и заезжал ко мне в апреле месяце; я тут узнал, что он единственно для моего удовольствия обучился во время путешествия италийскому языку.

В сем же году, июля 24 числа, освящен построенный каменный храм Божий, в который, по желанию сына моего, перенесено тело покойной жены его Татьяны Федоровны, а я и для себя во оном приготовил место.

1773 года, в исходе апреля месяца, получил я с нарочным от сына моего известие, что Ее величество всемилостивейше изволила пожаловать его 21 того же апреля в действительные статские советники. Я, как ни был болен, велел вести себя в новую церковь, и со всеми у меня случившимися гостями и домашними моими с коленапоклонением отправляли благодарное молебствие и за здравие нашей милосердой матери и государыни.

В половине июля месяца обрадовался вновь получением ведомости, что внук мой Иван пожалован в секунд-майоры, за что и будет хвала всех благ подающему Богу, и сие тем наипаче, что получаемые мною от него, внука моего, из армии о военных его подвигах (известия) утверждали надежду мою, кою я всегда полагал на него, что увижу в нем усердного слугу отечества, жертвующего ему жизнью.

Октября 4 дня получил я от сына моего обрадовавшее меня даже до слез письмо, коим он меня известил, что Ее величество, пекущаяся неусыпно о устроении непоколебимого благополучия отечества, сочетала брачным союзом любезнейшего своего сына, его императорское высочество, надежду российскую, с Ее императорским высочеством великою княгиней Наталией Алексеевною и что он, сын мой, всемилостивейше пожалован в Правительствующий Сенат в обер-прокуроры. Сколь я ни слаб был, однако ту ж самую минуту велел себя вести в домовую церковь и, собрав всех моих служителей, принесли благодарное наше с коленапоклонением молебное моление Господу Богу о здравии всемилостивейшей нашей государыни и о ниспослании Его святого благословения на сочетавшихся их высочеств: да утвердит, милуя Россию, Бог корень их во век веков. Сколь ни усилились мои болезненные припадки и сколь я уже был ни безнадежен о моей жизни, однако таковые известия наполняли меня радостью, что судил мне Господь Бог дождать сего в старости моей.

С сего времени начал я покойно приуготавливать себя к смерти; оставалось только мне в таком моем состоянии желать обнять в последнее сына моего и на его руках испустить дух мой, почему я и писал к нему письмо следующего содержания:

«Мой любезный сын Николай Иванович! Святость пророческих слов: дни лет наших яко семьдесят, аще же в силах — осемьдесят лет, как я и ныне себя чувствую, исполняется надо мною; се уже приближается век мой и к последнему назначенному времени жизни человеческой, а умножающаяся не токмо день от дня, но и час от часа слабость не только тела моего, но и памяти, предвещает разрушение храмины, в чем я и предаюся судьбам Всевышнего; ожидаю смерти с должным повиновением и, поколику человеку возможно, спокойным духом; но Он зрит сердце мое и знает, чего еще в

жизни моей желаю, а именно только того, чтоб мне еще прежде кончины обнять тебя в последнее и на твоих руках предать дух мой, и чтоб твои руки закрыли глаза мои; я знаю твою ко мне горячность, уверен о твоём всегдашнем послушании, а сие уже будет и в последнее: утешь меня, буде возможно. Командир твой и особенный благодетель князь Александр Алексеевич* в том тебе помочь может; буде же ты рассудишь, что по новости определения твоего к месту или за чем другим того сделать несходно, то и я предварительно в том с тобою и соглашаюсь, да и по настоящей совершенной распутице как тебе ехать! И так да будет милость Божия над тобою! Октября 17 числа 1773 году».

Сие письмо послано с Лаврентием Бархатовым; по возвращении того посланного и по получении с ним от сына моего письма узнал я о совершенной непроездимости пути и о том по его основательным причинам, что сыну моему ко мне проситься было не сходно, почему, лишась я сей надежды, остаюсь во ожидании смерти. Но признаться должно, что малейшее движение в моем покое предвещает мне вход Николая Ивановича; с ним одним отделяюсь я от должного в моем состоянии богомыслия, а прежде нежели потерю совершенную память, то желаю отписать к нему еще и начинаю:

«Напрасно, мой любезный сын, надеждою себя ласкаешь увидеть меня живого; чувствую, что уже смерть моя приближается, к чему не столько болезненные припадки, как и лета меня определяют, — в рассуждении чего и печаль твоя должна быть умеренна, в чем я на твое благоразумие и надеюсь; да инако и воле Господней противно. Прежде нежели душа моя от тела разлучится, в должности нахожусь сказать тебе, Николай Иванович, в последнее: Сохраняй святую веру, вразумляй о той детей своих; исполняй же по возможности заповеди Господни. Он Всевышний есть источник всех благ небесных и земных, и веруяй в Него никогда не постыдится. Сохраняй в совершенстве верность твою к ее величеству и к учреждаемым от нее и чрез нее наследникам; наблюдай правду во всех твоих делах и поступках, хотя бы иногда и неприятное, что тебе за то понести случилось; ведай, что Бог и ее величество правды твоя будут покровители: если не в это время, то после чрез них тебе откроется. Люби свое отечество, от коего весь род твой облагодетельствован был и потомки будут, и в защищении того пользы не щади не токмо благосостояния, но и жизни. Я по всей возможности сим шел путем, мой любезный сын, и ты всех лучше знаешь бывшие мне огорчения, сколь я их сносил терпеливо, и наконец Бог, владычествуй всеми, возвал меня в такое состояние, какового только человеку при моих свойствах ожидать было возможно. Наконец

* Вяземский.

скажу: умеряй свою вспыльчивость; она не токмо здоровью твоему вредна, но и познанию каждого дела в точном его виде препятствует; я знаю твое доброе сердце, знаю твои свойства, знаю ж и расположение души твоея и потому спокойнее умираю и скажу тебе еще в последнее: прости, Николай Иванович!

Прошу тебя по смерти моей исполнить все по моему завещанию. Вам, Аграфена Александровна, искренне всех благ желаю. Скажи пожалуйста, Николай Иванович, при случае известному господину, что я пред ним никогда виноват не был, в чем и умираю и клянуся; буде ж он меня почитает виноватым, то прошу его Бога ради простить меня, а я ему как прежде, так и ныне всех благ истинно желаю. Дочери моей Анне Ивановне и детям ее и детям дочери моей Марьи Ивановны оставляю Божие и мое благословение, а Михайле Куприяновичу* искренне всех благ желаю. Заклячая ж сие, всем вам совокупно и деткам твоим, Ванюшке и Мите, преподаю отеческое благословение, а к Тебе, Отец щедрот и милосердия, обращаю мою молитву: сохрани их совершить течение сея жизни Тебе угодное в верности к нашей государыне и в пользу отечества. Еще прости, мой любезный сын Николай Иванович; мысленно тебя обнимаю, целую; да будет благодать Господня над тобою; когда любишь детей своих так, как я тебя, представляя мое теперешнее состояние, можешь себе и то представить, сколь горестна моя с тобою разлука, Творцом веленная и Его милосердием; и как мне на суд явиться должно, я наполнил свои мысли, но признаюсь и каюсь в том, что ты меня столько же занимаешь; представление тебя предстоит неотлучно предо мною, а молитва моя о себе препровождается купно и о тебе; не могу больше писать. Боже всякого милосердия, сохрани его так, как я желаю».

* Лушину.

**Дополнение неизвестного автора к тексту
«Записок» И. И. Неплюева**

Сие письмо, как князь Андрей Иванович Мышецкий и Василий Васильевич Татищев писали, диктовал его высокопревосходительство почти трой сутки, как по великой его слабости, так и потому, что он, сказывая оное, многократно плакал и уже инако двух литер имени своего и фамилии приложить к оному не мог, как рукою его водил князь Андрей Иванович.

Сие письмо отправлено с нарочным 29 октября, а в ту же ночь жар усилился, так что не надеялись, чтоб мог до свету продолжиться; но к утру полчаса заснул и пробудившись спросил: «Поехал ли посланный в Петербург?»

3 ноября сделался жар поменее, и притом между прочим были его такие слова: «Кто стучит там? Не приехал ли Николай Иванович? Но зачем ему ко мне и ехать! Я с ним уже простился и все, что имел, сказал, и что бы теперь сказать ему мог? Уже ничего не осталось!» И вздохнувши, помолчав, начал еще говорить: «Если бы он и приехал, то кроме огорчения себе ничего не найдет; я знаю его нежное чувство; он, увидя меня в такой уже слабости, поврежденные своему здоровью сделать может, а меня присутствием своим и более отвлечь от моего долга».

При сказывании сих слов текли изобильные слезы, и сквозь оные весьма томным голосом сказал: «Ты, Боже, ниспосли ему Свою милость!» Потом приказал готовиться к литургии и исповедавшись приобщился Святых Таин, но при том головы, сколько ни старался, нисколько приподнять не мог и затем продолжался до 11 числа ноября месяца, которого в 6 часов пополночи и за полчаса еще спросил: «Будет ли сегодня обедня?» А на ответ, что будет, последнее его было слово: «Помолитесь о мне грешном!» От сея временная жизни преселился в вечную.

20 числа того ж месяца погребено тело его в назначенном от него самом месте, и на доске по собственному ж его повелению, прежде им к Николаю Ивановичу посланному, сделана следующая надпись:

«Здесь лежит тело действительного тайного советника, сенатора и обоих российских орденов кавалера Ивана Неплюева. Зрите! Вся та тщетная слава, могущество и богатство исчезают, и все то покрывает камень, тело ж истлевет и в прах обращается. Умер в селе Поддубье, 80 лет и 6 дней, ноября 11 дня 1773 году».

Приложение

Воспоминание И. И. Голикова об И. И. Неплюеве

Остатки достохвальной жизни своей сей питомец Петра Великого препровел в деревнях своих в богомыслии, в приведении хлебопашества в лучшее состояние, в устройении блага крестьян своих и в наставлениях сыну и внукам своим. Все окружавшее жилище его дворянство находило удовольствие ежедневно наслаждаться его же наставлениями и рассуждениями за столом его.

Сей достопочтеннейший муж имел разум твердый и тонкий, деятельность неусыпную, решимость в делах скорую и основательную, правосудие строгое и никакими пристрастиями и интересами непоколебимое. Сие между прочим и то одно доказать может, что он никогда ни от кого, ни за какое дело ничего не взял, и никто не смел к нему показаться ни с какими подарками; засвидетельствуют сие все бывшие под его начальствованием. Доступ до него был всякому невозбранный; выслушивал он каждого с внимательным терпением; интересы отечества предпочитал он самой жизни и благосостоянию своему, и правило его было служить оному до последнего изнеможения сил; а потому и несносны были ему все, а паче в молодых годах оставляющие службу и выходящие в отставку; защищал всегда равностно самодержавное, как наилучшее из всех других, правление и исполнял с благоговением волю верховной власти; к памяти Петра Великого имел беспредельное почитание и имя его не инако произносил, как священное, и почти всегда со слезами; веру и благочестие соблюл до конца ненарушимо и не выезжал никогда со двора, не отслушав святыя литургии, которая в домово́й церкви его ежедневно отправлялась; был враг вольнодумства, суеверия, ласкательства и потаковщиков; всякие несчастья и прискорбности сносил с благодарением Богу, веруя несумненно провидению Его, управляющему жребием смертных; искренность сердца его изливалась и на язык его в делах, тайности не подлежащих; сему последнему послужит доказательством и одно следующее. Когда лишился он зрения и силы его телесные ослабели и, следовательно, продолжать служение более не мог, то написав просительное к императрице письмо о увольнении своем от службы, поехал с оным в день воскресный на куртаг во дворец; его подвели к ее величеству; великая сия монархиня, почитавшая его добродетели, посадила его подле себя, и старец заговорил, что он ослеп и не может исправлять должности службы. «Я разумею тебя, — сказала на сие великая Екатерина, — я разумею тебя, Иван Иванович; ты, конеч-

но, хочешь проситься в отставку; но воля твоя, я прежде не отставлю тебя, пока не отрекомендуешь мне на свое место человека с таковыми же достоинствами, с каковыми и ты». Толь лестная монархини речь тронула его даже до слез. Что ж он отвечивал на оную? «Нет, государыня, мы, Петра Великого ученики, проведены им сквозь огонь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а ныне инако воспитываются, инако ведут себя и инако мыслят; итак, я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться». Сей добродетельный старец рассказывал сам сие мне по приезде из дворца, прибавя к тому: «Тут все были, но мне что за нужда? Я сказал, что чувствовал».

Впрочем все описанные мною добродетели его известны были мне совершенно, и могу сказать, что все движения сердца его не могли от меня быть сокрытыми; ибо имел я счастье быть им любим и более двадцати лет жил с ним почти неразлучно, в течение которых почти ежедневно наслаждался утренними его с собою разговорами и рассуждениями, открывавшими мне все чувствования души его.

Сильную руку дано новое движение России; мы уже не возвратимся к старине!..» Эти слова Н. М. Карамзина с удивительной точностью отразили суть мировоззрения россиянина XVIII века, неумолимо вовлеченных в движение по тернистой дороге всеобъемлющих преобразований жизни страны. Могучая воля великого реформатора в короткий срок изменила образ существования, менталитет и систему ценностей значительной части русских людей, которые шли за Петром и вели за собой последующие поколения. Можно поистине поражаться этому стремлению вперед вопреки тяжелейшей инерции основной массы населения, тяготевшей к укладу жизни допетровской Руси. Крестьянство сгибалось под тяжестью непосильных податей, видело в них лишь «напрасное изнурение» и тайне проклидало «царя-Антихриста». Православное духовенство было крайне недовольно отменой патриаршества, уменьшением роли Церкви в государственных делах, введением правительственного контроля за финансовой стороной монастырского хозяйства. Немалая часть родовой знати тосковала по ушедшим временам, когда боярское происхождение само по себе обеспечивало высокое положение в обществе. Многочисленные потомки Рюрика люто ненавидели окруживших трон петровских «выскочек» и «иноземцев» и возмущались вместе с известным публицистом М. М. Щербатовым: «Стали не роды почтенны, а чины и выслуги». Требование обязательной военной или гражданской службы на благо Отечества не находило отклика у богатых землевладельцев, мечтавших поскорее вернуться в свои поместья к выгодным хозяйственным занятиям, оставив чиновничьи должности с мизерным, по их понятиям, жалованьем. Едва ли не каждая смена монарха в послепетровское время пробуждала надежды «ревнителей старины» на резкий поворот правительственного штурвала и возвращение корабля российской государственности в уютную гавань прошлого. Воцарения Петра II, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны состоялись под флагом «отмены многих прежде бывших порядков», что могло пониматься широкими слоями населения как восстановление допетровской национальной самобытности.

Мемуары

русских государственных и военных деятелей послепетровского времени

«Сильною рукою дано новое движение России; мы уже не возвратимся к старине!..» Эти слова Н. М. Карамзина с удивительной точностью отразили суть мировоззрения россиянина XVIII века, неумолимо вовлеченных в движение по тернистой дороге всеобъемлющих преобразований жизни страны. Могучая воля великого реформатора в короткий срок изменила образ существования, менталитет и систему ценностей значительной части русских людей, которые шли за Петром и вели за собой последующие поколения. Можно поистине поражаться этому стремлению вперед вопреки тяжелейшей инерции основной массы населения, тяготевшей к укладу жизни допетровской Руси. Крестьянство сгибалось под тяжестью непосильных податей, видело в них лишь «напрасное изнурение» и тайне проклидало «царя-Антихриста». Православное духовенство было крайне недовольно отменой патриаршества, уменьшением роли Церкви в государственных делах, введением правительственного контроля за финансовой стороной монастырского хозяйства. Немалая часть родовой знати тосковала по ушедшим временам, когда боярское происхождение само по себе обеспечивало высокое положение в обществе. Многочисленные потомки Рюрика люто ненавидели окруживших трон петровских «выскочек» и «иноземцев» и возмущались вместе с известным публицистом М. М. Щербатовым: «Стали не роды почтенны, а чины и выслуги». Требование обязательной военной или гражданской службы на благо Отечества не находило отклика у богатых землевладельцев, мечтавших поскорее вернуться в свои поместья к выгодным хозяйственным занятиям, оставив чиновничьи должности с мизерным, по их понятиям, жалованьем. Едва ли не каждая смена монарха в послепетровское время пробуждала надежды «ревнителей старины» на резкий поворот правительственного штурвала и возвращение корабля российской государственности в уютную гавань прошлого. Воцарения Петра II, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны состоялись под флагом «отмены многих прежде бывших порядков», что могло пониматься широкими слоями населения как восстановление допетровской национальной самобытности.

Надо сказать, что такая перспектива всякий раз радовала европейских дипломатов, с опаской взиравших на усиление молодой империи и возрастание ее внешнеполитической активности. На Западе мечтали

«обрезать крылья России, чтоб она не вмешивалась в чужие дела»¹. Наиболее четко подобные чаяния выразил французский посол при петербургском дворе И.-Ж. де ла Шетарди за полгода до елизаветинского переворота: «Как по собственной склонности, так и уступая желанию народа, она (Елизавета Петровна. — В. Н.) немедленно удалится в Москву. Вследствие хозяйственных забот, к которым вельможи питают особую склонность и которым они предадутся тем рачительнее, что они не занимались ими уже много лет, флот останется в пренебрежении, и постепенно Россия, как увидят, обратится опять к прежним основным взглядам, которые желали водворить Долгоруковы в царствование Петра II, а впоследствии Волюнский, и которые существовали до воцарения Петра I»².

Но надежды на пересмотр петровского наследия и отказ от преобразований быстро развеивались в прах, как только императорская власть вновь укреплялась, а состав правящей верхушки в очередной раз стабилизировался после кадровых перестановок высших чиновников и возвышения или падения фаворитов и других вельмож в ходе придворной политической борьбы. Отдельные мелкие контрреформы в области административного устройства или временные уступки духовенству на извилистом пути к секуляризации и веротерпимости не меняли общей направленности правительственного курса, основными принципами которого оставались упорочение абсолютизма, совершенствование имперской государственности, дальнейшая европеизация страны, а также активная внешняя политика и развитие вооруженных сил как неременного залога ее успеха. Свернуть с этой исторической дороги в то время было бы для России пагубно, да и, к счастью, практически невозможно.

Наследие Петра сохранялось и приумножалось сотнями его младших современников, которых он призвал, обучил и направил на путь служения Отечеству. Один из них вскоре после кончины преобразователя произнес замечательные слова, похожие на рыцарскую клятву: «Хотя нет более Петра Великого с нами, однако дух его в душах наших живет, и мы, имевшие счастье находиться при сем Монархе, умрем верными ему и горячую любовь нашу к земному богу погребем вместе с собою»³. «Птенцы гнезда Петрова» не только пронесли через всю оставшуюся жизнь благоговение перед первым российским императором, но сумели воодушевить такими же чувствами своих детей. «Это истинно бог был на земле, во времена отцов наших!» — восклицал через полвека один из сыновей Григория Петровича Чернышева — любимца и верного сподвижника Петра I.

«Державный плотник» считал себя состоявшим на службе Отечеству и трудился до саморазрушения во имя идеи «общего блага» рос-

¹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 11. М.: Мысль, 1993. С. 176.

² Со шлагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725—1825. М.: Современник, 1991. С. 224—225.

³ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 9. М.: Мысль, 1993. С. 537.

сиян и процветания России. В наше время можно бесконечно спорить о соответствии деятельности Петра декларируемым им целям, поэтому оставим в стороне историографическую и историософскую проблему, волнующую ученых и публицистов с екатерининского времени до сегодняшних дней. Скажем только, что преобразования, при всех их издержках, были целесообразны и даже исторически необходимы, поскольку наилучшим образом обеспечивали достижение Россией тех геополитических целей, которые стояли перед ней еще в XVI веке — с момента ее вступления волею судьбы на имперский путь развития. Полтора-два столетия спустя страна уже не могла свернуть с этой глубокой исторической колее, и Петр лишь упорядочил и ускорил движение по определенному задолго до него маршруту. Нелепы предпринимая теперь попытки возложить на него ответственность за недавние исторические катастрофы в конце имперского пути России: могли ли гений XVIII века предусмотреть бездарность политиков нынешнего столетия? Петр I и его последователи строили великую европейскую державу и заложили прочные основы возвышения и процветания России.

«Сей монарх Отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и, что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут», — подчеркнул в своих «Записках» И. И. Неплюев. Эти проникновенные слова, вне всякого сомнения, выражают позицию всех трех мемуаристов, чьи произведения представлены на страницах книги. Подбор авторов не случаен: это русские люди одного поколения, одних взглядов и принципов и, можно сказать, одной судьбы. Они начали карьеру при Петре I, прониклись его идеалами беззаветного служения Отечеству и пронесли их через всю последующую жизнь сквозь череду дворцовых смут и бесконечные превратности бытия в непосредственной близости к трону и власть имущим.

Я. П. Шаховской и В. А. Нащокин являлись друзьями и с «неробким духом» поддерживали друг друга в борьбе с придворными интригами, о чем первый из них неоднократно упоминает в своих мемуарах. Вероятно, их дружба началась в молодые годы, когда оба они в составе сводного гвардейского отряда сражались под знаменами фельдмаршала Б.-Х. Миниха с турками и крымскими татарами. Вскоре после преждевременной кончины В. А. Нащокина судьба свела Я. П. Шаховского с И. И. Неплюевым на службе в Сенате и Конференции при высочайшем дворе. В этих учреждениях пожилые последователи Петра Великого выступали как единомышленники, пытаясь противостоять возросшей в конце 1750-х годов коррупции высших чиновников. Оба ветерана закончили службу в первые годы правления Екатерины II, успев передать внимательной к их советам императрице богатейший опыт своей государственной деятельности. Можно без преувеличения сказать, что авторы публикуемых мемуаров и подобные им труженики и патриоты с честью продолжили дело Петра Великого и приумножили завещанное им наследие.

Каждый, кто действительно любит Россию и ее великую историю, не сможет остаться равнодушным к голосам этих людей, звучащим в сложном сплетении забытых слов, в причудливых тяжеловесных предложениях и архаических оборотах речи. Читатель, взявший на себя труд викинуть в эти непростые тексты, будет вознагражден тем, что сможет понять и почувствовать живое подлинное прошлое.

Издание открывается знаменитыми «Записками» князя Якова Петровича Шаховского, которые бесспорно относятся к лучшим образцам отечественной мемуарной литературы. В ряду источников для изучения русской истории XVIII века это произведение по степени информационной насыщенности, важности и достоверности сообщаемых в нем сведений можно сопоставить только с грандиозными «Записками о России» генерал-майора Христофора-Германа Манштейна⁴. Основное содержание фактического материала в обоих сочинениях — это прежде всего жизнь монархов и правящей верхушки, а также различные стороны правительственной деятельности. Объекты внимания двух мемуаристов по сути одни и те же, но ракурсы их изображения принципиально различны. Манштейн создает панорамную и достаточно верную картину российской действительности послепетровского времени, являясь в большинстве случаев сторонним наблюдателем. В отличие от него, Шаховской смотрит на отражаемые им события не извне, а изнутри; он прежде всего — их непосредственный участник и только потом уже — летописец. Все отмеченное автором лично увидено, пережито, прочувствовано. Созданная им картина прошлого в сравнении с великолепной хроникой Манштейна может показаться ограниченной и субъективной, зато она во всех своих мелочах абсолютно реальна, жизненна и достоверна. Кроме того, практически каждый факт мемуаров Шаховского в той или иной мере уникален; сообщаемые им сведения можно дополнить, но в основной их массе нельзя заменить даже всей совокупностью фактов известных исторических источников. Мемуары Шаховского — это подробный и бесхитростный рассказ о его государственной деятельности, наполненной неожиданными поворотами карьеры и борьбой с беззаконием, своекорыстием и несправедливостью, которыми испокон веков изобилует российская действительность. Жизнь автора, по его понятиям, равнозначна службе, поэтому сообщаемые им биографические факты главным образом сводятся к восхождению по ступеням чинов и должностей.

Яков Петрович родился 8 октября 1705 г. Рано потеряв отца, он с 9 лет воспитывался дядей князем Алексеем Ивановичем Шаховским — гвардейским офицером, занимавшим не последнее место в ряду «птенцов гнезда Петрова». Он сумел дать племяннику прекрасное домашнее образование и привил ему высокие моральные устои, которые стали основой его жизни. «Главнейшие же и частые мне были от сего второго отца поучения, чтобы всякое дурно делать стыдиться, а справедли-

⁴ См.: *Перевороты и войны / Христофор Манштейн*. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. — М.: Фонд Сергея Дубова, 1997.

вость и добродетель во всяких случаях всему предпочитать», — вспоминает мемуарист.

В 1719 г. 14-летний Яков был определен в лейб-гвардии Семеновский полк, где прошел все начальные воинские ступени от солдата до сержанта. В 1725 г. он был переведен с чином поручика в лейб-регімент, переименованный в 1730 г. в Конногвардейский полк. В 1734 г. дядя, исполнивший в то время обязанности правителя Малороссии, взял его к себе на службу. Молодой офицер выполнял многие ответственные поручения и нередко ездил с докладами ко двору, что обратило на него внимание Э.-И. Бирона и Анны Иоанновны. В 1735 г. Шаховской был произведен в секунд-ротмистры, а вскоре и в ротмистры.

В 1737—1739 гг. Яков Петрович во главе трех рот Конного полка принимал участие в русско-турецкой войне, проявив незаурядное мужество во многих сражениях. В начале 1740 г. он вернулся в Петербург и близко сошелся с кабинет-министром А. П. Волынским, который обещал ему место сенатора. Но вскоре могущественный покровитель впал в немилость и окончил жизнь на эшафоте, а Шаховской, вопреки своим ожиданиям, получил скромную и хлопотную должность советника Главной полицеймейстерской канцелярии. 17 октября того же года Анна Иоанновна скончалась, и Э.-И. Бирон, став регентом при императоре-младенце Иоанне Антоновиче, в первые же дни своего правления произвел Шаховского в действительные статские советники и назначил его генерал-полицеймейстером (начальником того же учреждения, где он прежде был советником). Но спустя всего три недели Б.-Х. Миних сверг Бирона и передал власть матери императора Анне Леопольдовне. Шаховской был понижен в должности до товарища (заместителя) генерал-полицеймейстера, но вскоре нашел нового покровителя в лице кабинет-министра графа М. Г. Головкина, который выдвинул его на место сенатора. Правда, Сенат в то время не имел такого значения, как раньше или позже: он являлся исполнительным органом Кабинета министров и носил название не Правительствующего, а только Высокого.

Якову Петровичу суждено было занимать этот пост меньше года: очередной дворцовый переворот 25 ноября 1741 г. вновь переместил его вниз по служебной лестнице. Новая императрица Елизавета Петровна отменила многие пожалования прежнего правления, которое считала «незаконным». Шаховской провел несколько тревожных недель в ожидании своей участи, но, как оказалось, беспокоился зря: каждый новый правитель нуждался в опытных и честных администраторах, стоявших в стороне от придворной борьбы. Вскоре бывший сенатор получил должность обер-прокурора Святейшего Синода и удостоился доверия и расположения императрицы.

Мемуары Шаховского, а также приложенные к ним документы синодального архива достаточно ярко характеризуют упорство обер-прокурора в отстаивании законности и государственных интересов во вверенном ему специфическом учреждении. Принципиальность и смелость Якова Петровича поистине вызывают удивление, если учесть, что иерархи Православной Церкви находились под особым покровительством

самой императрицы и ее могущественного фаворита графа Алексея Григорьевича Разумовского. Духовные чины неоднократно жаловались на своего строгого «надзирателя» и требовали его отставки, но Елизавета Петровна отвечала: «Он мне в Синоде надобен». В 1744 г. государыня пожаловала ему чин тайного советника.

Лишь в 1753 г. Шаховской был отрешен от шекотливых дел духовного ведомства и получил назначение генерал-кригс-комиссара. На его долю выпала ответственная и трудная работа по снабжению и оснащению армии в годы подготовки и ведения войны с Пруссией. Его деятельность на этом поприще была весьма плодотворна и немало способствовала успехам русского оружия в борьбе с лучшей армией Европы. В феврале 1758 г. Конференция при высочайшем дворе направила Шаховскому рескрипт от имени императрицы с изъявлением благодарности за его работу: «Теперь главное намерение так счастливо исполнено, что почти собственное Наше ожидание превзошло... Нам не остается более, как оказать вам чрез сие всемилостивейшее Наше о том благоволение и удовольствие». В том же месяце главнокомандующий русской армией В.В.Фермор назначил Шаховского на пост губернатора только что завоеванной Кенигсбергской провинции, то есть Восточной Пруссии. Но Конференция отменила это решение, отметив, что у генерал-кригс-комиссара много других неотложных дел: «приуготовление на будущий год всех амуниционных вещей, собрание всего подушного сбору и, одним словом, всего того, что на попечение Комиссариата положено»⁵.

Следующие два года Шаховской провел в Москве и Петербурге, выполняя различные обязанности по делам подчиненного ему Комиссариата. Вдруг очередной отъезд его из столицы в Москву был отложен императрицей: «Ты мне надобен, изволь здесь побыть», — сказала она ему. Потянулись долгие месяцы ожидания и неизвестности. Что-то готовилось при дворе, интересы каких-то влиятельных персон в очередной раз ставились на карту государственной политики, и Шаховской с тревогой ощущал неизбежность своего участия в будущих событиях. Наконец в июле 1760 г. фаворит императрицы Иван Иванович Шувалов частным образом объявил ему, что государыня намерена назначить его генерал-прокурором Сената. Шаховской вспоминал впоследствии, что «с прискорбностью оное уведомление принял». Чем же вызвана такая реакция деятельного и честолюбивого чиновника на известие о желании императрицы поручить ему важнейший государственный пост?

Вторая половина 1750-х годов отмечена усилением должностных злоупотреблений, виновниками которых современники называют сенатора графа Петра Ивановича Шувалова и его друзей генерал-прокурора Сената князя Никиту Юрьевича Трубецкого и обер-прокурора Александра Ивановича Глебова. По словам М.М.Щербатова, в это время «неправосудие чинилось с наглостью, законы стали презираться, и мздоимства стали явные. Ибо довольно было быть любиму и защищаему им, графом Шуваловым... чтобы, не страшась ничего, всякие непра-

⁵ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4. Л. 172-172 об., 232-232 об.

восудия делать и народ взятками разорять. Самый Сенат, трепетав его власти, принужден был хотениям его повиноваться...»⁶. В купечестве рассуждали о том, что «челобитчики плачут на сенаторов, что праведного суда нет, все воры, а она (Елизавета Петровна. — В.Н.) только и говорит: «Что мне с Сенатом делать, что мне с Сенатом делать?»⁷. Не кто иной, как сам фаворит императрицы и двоюродный брат вождя коррумпированного чиновничества Иван Шувалов, призывал Елизавету Петровну: «Всемиловнейшая государыня, воззрите на плачевное многих людей состояние, стениящих под игом неправосудия, нападков, грабежей и разорений!»⁸.

16 августа 1760 г. императрица подписала тщательно подготовленный указ о целом комплексе кадровых «рокировок». Трубецкой и Глебов были смещены с прокурорских постов в Сенате. Место первого из них получил Шаховской, ставший одновременно членом Конференции при высочайшем дворе. Должность обер-прокурора Сената занял близкий друг и единомышленник Ивана Шувалова граф Иван Григорьевич Чернышев. Но для бывших главных прокуроров нашлись не менее почетные должности в строгом соответствии с прежними рангами: Трубецкой получил вакантный пост президента Военной коллегии и стал сенатором, а Глебов был назначен генерал-кригс-комиссаром вместо Шаховского. Общее число перемещенных чиновников на высших должностях в центральных и местных учреждениях составило более 60 человек⁹. Все эти глубоко продуманные назначения существенно уравновесили чрезмерное влияние Петра Шувалова, его друзей и многочисленных протеже. Обстоятельства своеобразного «бюрократического переворота» еще не изучены, но можно с уверенностью предположить, что инициаторами и основными проводниками этого мероприятия явились Иван Шувалов и Иван Чернышев. Подобная версия может быть в значительной степени основана на рассказах Шаховского о встречах и беседах с этими людьми, которые заранее знали о всех готовящихся «переменах в штатских чинах» и ободряли будущего генерал-прокурора, удрученного перспективой тяжелой борьбы с распространившимися злоупотреблениями.

Яков Петрович оправдал возложенные на него надежды. Он развернул работу по наведению порядка в делопроизводстве сенатской канцелярии, добился предоставления финансовой отчетности центральными учреждениями, ускорил рассмотрение апелляционных дел Сенатом, потребовал от прокуроров коллегий и канцелярий присылки ежемесячных рапортов о «неисправностях» в их ведомствах. Столкновения

⁶ О повреждении нравов в России князя М. Шербатова и Путешествие А. Радищева: Факсимильное издание. М.: Наука, 1984. С. 111. (Ссылка дана на подлинный авторский текст М. М. Шербатова, помещенный в приложении к изданию).

⁷ Архив князя Воронцова. Т. 3. М., 1871. С. 312—313.

⁸ Бумаги И. И. Шувалова // Русский архив. 1867. № 1. Стб. 72.

⁹ Баранов П. И. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII век. Т. 3. СПб., 1878. С. 438—440. № 11660; Наумов В. П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 69.

Шаховского с Петром Шуваловым в Сенате и Конференции не заставили себя ждать. Мемуарист много рассказывает о перипетиях своей борьбы с влиятельным сановником, поэтому остановимся лишь на одном эпизоде, не нашедшем достаточного отражения в «Записках».

Необходимость изыскания средств на ведение войны с Пруссией подтолкнула правительство к так называемому «медному переделу» — облегчению веса медных монет в два раза, благодаря чему казенная прибыль от их чеканки удваивалась. Проект «передела», разработанный П. И. Шуваловым в конце 1756 г., был в марте следующего года утвержден императрицей и начал осуществляться под руководством самого «проектировщика». Казна получила несколько миллионов рублей на покрытие военных расходов, но неизбежное падение денежного курса и рост цен явились оборотной стороной этой временной прибыли. Не удивительно, что шуваловская «порча монеты» вызвала много возражений. Б.-Х. Миних с некоторой категоричностью отмечал «полное расстройство финансов, причиненное Петром Ивановичем Шуваловым»¹⁰. М. М. Щербатов подчеркивал, что «те безумные политики, кои советуя убавлять цену монет, не понимают, что сие есть род побора, положенного на народ»¹¹.

В конце 1760 — начале 1761 г. П. И. Шувалов выдвинул проект уменьшения веса медной монеты еще в два раза. Шаховской выступил с резкой критикой этого намерения и со своей стороны предложил Сенату другие способы увеличения казенной прибыли: выпуск бумажных денег (впервые в России!), распродажа помещикам казенных лесов и земель, сокращение государственных расходов за счет ограничения штатов учреждений, улучшение работы банков, создание специальной комиссии по борьбе с роскошью¹². Последний пункт непосредственно метил в Петра Шувалова, который ездил в позолоченной карете, носил бриллиантовые пуговицы и застёжки на ботинках и пил вино из ананасов, выращенных в собственных оранжереях. Шувалов, в свою очередь, возражал против первого и самого важного предложения Шаховского, говоря, что «бумажки вместо денег народу не только дико покажутся, но и совсем кредит повредится».

Споры сторонников обоих проектов продолжались в течение года, который стал последним в жизни Елизаветы Петровны. Сменивший ее Петр III сначала всецело подпал под влияние П. И. Шувалова, Н. Ю. Трубецкого и А. И. Глебова, благодаря чему в начале 1762 г. было принято решение о продолжении чеканки легковесной монеты. Но уже в мае того же года Совет при Петре III по предложению самого императора принял комбинированное решение: «денег вновь из меди не делать», «передел медных денег в легчайшую монету из тяжелой неотменно продол-

¹⁰ Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. С. 314.

¹¹ Щербатов М. М. Незданные сочинения. М., 1935. С. 58.

¹² Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М.: Наука, 1966. С. 80.

жать» и, кроме того, выпустить «банковские билеты» на сумму в 5 миллионов рублей, которые бы «за наличную монету ходили»¹³.

Сам же Шаховской в первый день нового царствования, 25 декабря 1761 г., был уволен в отставку, передав свою должность А. И. Глебову. Другого нельзя было ожидать, поскольку непоколебимый в своих принципах генерал-прокурор не шел на уступки никому, даже наследнику престола. Однажды Петр Федорович, раздосадованный очередным отказом на свою просьбу, пообещал, что Шаховского «покажет публике на эшафоте». Внук Петра I был горяч, но отходчив, он не держал зла и не мстил за обиды. Шаховской просто оказался ему не удобен на посту «ока государева», поэтому был с почетом отпущен со службы. Будущий мемуарист переехал в Москву, а с весны 1762 г. поселился в своем подмосковном имении.

Однако ему недолго пришлось наслаждаться отдыхом и тишиной на природе. Через несколько месяцев Петр III был свергнут и убит, а вступившая на престол Екатерина II вернула Шаховского на службу и назначила сенатором. По ее поручению он написал проекты многих узаконений, в частности о введении новых штатов архиерейских домов и монастырей. Так опыт работы бывшего обер-прокурора Синода пригодился в продвижении шекотливого вопроса о секуляризации.

9 августа 1762 г. Екатерина II в присутствии Сената указала «для сочинения гражданских чинов быть особой комиссии при сочинении Уложения и в оной быть главным князю Якову Петровичу Шаховскому»¹⁴. Вслед за тем он в числе прочих сенаторов отправился в Москву, где 22 сентября того же года состоялась коронация новой императрицы. В этот день Яков Петрович был награжден орденом Святого Андрея Первозванного. 8 декабря 1763 г. Шаховской вошел в состав вновь созданной Комиссии о коммерции, на рассмотрение которой внес ряд интересных предложений о правах и привилегиях купечества.

Екатерина II очень ценила престарелого сенатора и прислушивалась к его советам. Он неоднократно сопровождал императрицу в ее поездках по России, причем нередко в одном экипаже с ней. Пользуясь случаем, он много рассказывал о деяниях Петра Великого, о принятых им законах и установлениях. Однажды разговор зашел о первой сенатской ревизии местных учреждений, проведенной графом А. А. Матвеевым в 1721 г. Екатерине понравилась эта идея, и Шаховской немедленно вызвался провести ревизию в городах по пути их следования — Ярославле, Ростове и Переславле-Залесском. Можно представить, какой переполох вызвало внезапное появление строгого андреевского кавалера в провинциальных учреждениях.

По возвращении в Петербург Яков Петрович продолжал с полной самоотдачей трудиться в Сенате и Комиссии о коммерции, но три года

¹³ Наумов В. П. Вопросы внутренней политики в протоколах Конференции при высочайшем дворе и Императорского совета (1756—1762) // Археографический ежегодник за 1984 год. М.: Наука, 1986. С. 251—252; Он же. Петр III // Романовы: Исторические портреты. 1613—1762. Кн. 1. М.: Армада, 1997. С. 584—585.

¹⁴ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 13. М., 1994. С. 113.

спустя ухудшение здоровья вынудило его просить об отставке. 1 апреля 1766 г. последовал указ Екатерины II Сенату об увольнении Шаховского от всех дел. Императрица подчеркнула: «... а за долговременную его верную и усердную Нам и Отечеству службу повелеваем вместо пенсии производить ему по смерти нынешнее его жалованье». Яков Петрович вновь поселился в любимой им Москве, проводя время с весны до осени в подмосковной деревне. Скончался он 24 июня 1777 г. и погребен в Москве, в Донском монастыре.

Неизвестно, когда Шаховской начал писать свои мемуары и сколько лет работал над ними. Ясно только, что он приступил к своему сочинению после 1766 г., находясь в отставке. В предисловии к «Запискам» он говорит, что занялся их созданием «по просьбе моих друзей, благородные мысли, здравое рассуждение, любовь к добродетели и патриотический дух имеющих». Автор был уверен, что его жизненный опыт пригодится «благосклонным читателям», идущим «по таким же дорогам» служебной деятельности и стремящимся «истинными патриотами в отечестве быть». В то же время мемуарист признается, что сочинил «краткое описание» своих приключений «частию еще в удовольствие собственной о моих иногда удачно произведенных делах похвал любления страсти». Таким образом, Шаховской был заранее уверен в одобрении читателями его мыслей и поступков. «Записки» изобилуют обращениями к будущему «патриоту», которого автор то призывает в судьи своих дел, то предостерегает от ошибок, то направляет на верную дорогу добродетельных поступков примерами из собственной жизни. Все эти моменты отчасти сближают мемуары Шаховского с публицистическим жанром. Во всяком случае он определенно рассчитывал на широкий читательский интерес — и оказался прав.

«Записки» столь насыщены уникальными историческими фактами, что трудно выделить что-либо одно без ущерба для другого. Весьма важны сообщаемые автором детали организации Синода, Сената и Конференции при высочайшем дворе — учреждения эти показаны изнутри, «наполнены» живыми людьми с их характерами, интересами, амбициями и прочими качествами, влияющими подчас на результаты правительственной деятельности. Значительно меньше данных о работе Главной полиции, и почти совсем ничего не говорится о Крисг-комисариате — создается обманчивое впечатление, будто бы Шаховской занимался снабжением армии в одиночку. Автору присущ эгоцентризм, он и сам не раз признается в тщеславии. Люди попадают в поле его зрения лишь в той мере, в какой они связаны с его работой. Тем не менее в скупых строчках мемуаров ярко обрисованы портреты целого ряда исторических деятелей: вспыльчивый и грозный Э.-И. Бирон, твердый духом А. П. Волинский, мудрый А. И. Остерман, отважный Б.-Х. Миних, честный М. Г. Головкин, слабый Р.-Г. Левенвольде, гибкий Н. Ю. Трубецкой, ловкий П. И. Шувалов, миролюбивый И. И. Шувалов, здравомыслящая Елизавета Петровна, неуравновешенный Петр III, одаренная Екатерина II. В эту портретную галерею попадает и сам автор «Записок», который со свойственной ему прямоотой раскрывает перед читателями

черты своего характера. Шаховской честен, простосердечен, храбр, справедлив, но честолюбив, амбициозен, ограничен, субъективен. Примечательно, что автопортрет мемуариста совпадает с характеристикой, данной ему Екатериной II: «Князь Шаховской — оракул во всем, что касается внутренней формы, установленной законами, и чтобы распутывать ябеду и плутни; но он ненавидит новизны и особенно ту, какой ум его, мало развитой, не может постичь; но хороша ли, дурна ли вещь, как только ее предлагает генерал-прокурор Глебов, предмет его ненависти, он забывает свою честность, поистине римскую, только для того, чтобы ему противоречить»¹⁵.

Глебов стал основным объектом ненависти Шаховского «по наследству» после смерти П. И. Шувалова, этого талантливого и разностороннего государственного деятеля, очень много сделавшего для России. Но в «Записках» он изображен исключительно в темных тонах. Шаховской ставит в вину Шувалову даже инициативу в деле отмены в 1753—1757 гг. внутренних таможенных пошлин — пережитка феодальной раздробленности страны, очень мешавшего развитию российской торговли. Цели и последствия этой реформы для Шаховского не важны — он стремится лишь доказать личную заинтересованность Шувалова в ее проведении.

К числу самых интересных страниц «Записок» относятся рассказы о дворцовых переворотах в Петербурге. Повторяющееся описание того, как вельможи среди ночи толпой бегут присягать новой властительнице, помогает понять сущность «известных петербургских действий» послепетровского времени. В условиях разрушения вековых традиций российского престолонаследия и наличия нескольких равноправных претендентов на трон любые «перемены» казались естественными, а политическая пассивность массы чиновничества, основанная на инстинкте подчинения власти, гарантировала готовность одобрить любое происшествие в императорском дворце.

В мемуарах достаточно отчетливо показана придворная жизнь со всеми ее неприглядными чертами: интригами, «подлым ласкательством», завистью, себялюбием, своекорыстием. Шаховской уповает на свой «философский ум» и ищет утешения у «мертвых друзей», как он называет книги своей, по-видимому, большой библиотеки. На страницах «Записок» он цитирует высказывания Диоклетиана и Фенелона, говорит о своем желании руководствоваться примерами Софокла и Аристота. Часто ссылается он и на тексты Священного Писания.

Примечательно, что частная жизнь Шаховского почти не отражена в мемуарах. Полностью погруженный в воспоминания о служебной деятельности, он лишь вскользь упоминает о дочери Марии и сыне Федоре, о своем вдовстве и вторичной женитьбе. В отличие от подавляющего большинства мемуаристов, Шаховской не считает нужным хотя бы назвать имена своих жен. Восполним этот пробел. Первой его супругой была Александра Алексеевна, урожденная княжна Путятина; во

¹⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. М.: Орбита, 1989. С. 710.

втором браке он был женат на вдове генерал-майора А. И. Лопухина Евдокии Егоровне, урожденной Фамилицыной. Добавим также, что Яков Петрович имел еще дочь Анну и сына Алексея.

«Записки» Шаховского отличаются удивительной хронологической точностью, свидетельствующей о прекрасной памяти автора. Даты приведены по годам, без указания точных чисел — следовательно, перед нами классические воспоминания без использования составленных прежде дневниковых записей. В то же время мемуарист, вне всякого сомнения, основывается на документах из своего личного архива — указах, письмах, проектах. Некоторые из них включены в текст «Записок», например письмо А. И. Шувалова Шаховскому 1757 г. или знаменитый указ Елизаветы Петровны Сенату от 16 августа 1760 г. Кажется, лишь в одном случае память подвела автора. Празднование мира со Швецией, упразднение Коллегии экономики и получение самим Шаховским чина тайного советника отнесены им к 1745 г., но в действительности эти события произошли годом раньше.

Весь строй «Записок» определяется гражданской позицией мемуариста. Шаховской — представитель древнейшего княжеского рода, потомок Рюрика. Но, в отличие от князя Щербатова и многих других родовитых современников, он не кичится своим происхождением и даже не акцентирует на нем внимание. Для Шаховского «чин выше породы», а заслуги перед Отечеством — мерило истинных ценностей. Современный исследователь А. Г. Тартаковский справедливо отметил, что жизнеописание Шаховского проникнуто «идеалом служения государству как высшего назначения человека». Автор мемуаров «являл собой тип деятеля, взращенного в петровских традициях долга и высокой гражданской ответственности, для которого личность не имела цены вне государственного служения»¹⁶.

Шаховской не зря рассчитывал на интерес читающей публики к его сочинению. Сразу же по завершении мемуаров 10 апреля 1772 г. они начали распространяться в списках, многие из которых дошли до наших дней. Впервые отрывки из мемуаров Шаховского были напечатаны в журнале «Вестник Европы» в 1808 г., а затем «Записки» были трижды изданы полностью: в 1810, 1821 и 1872 гг. Н. С. Всеволожский — литератор, путешественник, владелец одной из лучших в России частных типографий — в предисловии к первому полному изданию справедливо отметил, что мемуары Шаховского «весьма лестно и любопытно для каждого благомыслящего россиянина читать»¹⁷.

Публикация «Записок» 1872 г. была подготовлена известным историком и издателем М. И. Семевским, который в приложении к мемуарам поместил обнаруженные им архивные документы о деятельности Я. П. Шаховского. В настоящем издании воспроизведена только та часть этих материалов, которая представляется наиболее значимой.

¹⁶ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М.: Наука, 1991. С. 49, 64.

¹⁷ Записки князя Я. П. Шаховского, писанные им самим. М., 1810, Ч. I. С. VI.

«Записки» генерал-лейтенанта Василия Александровича Нащокина поразительно отличаются от мемуаров его друга Шаховского. Произведение настоящего военного начисто лишено дидактики и нравоучительной философии. Впрочем, этого и не требовалось, поскольку автор вряд ли предназначал «Записки» для печати. Он просто фиксировал отдельные события, казавшиеся ему достойными внимания.

Биография В. А. Нащокина проста, как стандартный послужной список. В ней нет прыжков и падений на ступенях карьеры, трепетного ожидания должностей или охотного расставания с ними, борьбы с просками недоброжелателей, мучений под грузом ответственности. Шаховской на протяжении большей части своей служебной деятельности подчинялся непосредственно монархам, то есть по сути готовил для них решения. Нащокину же было достаточно следовать указаниям высшего воинского начальства и воздерживаться от ненужной инициативы. В XVIII веке воинская служба имела заметные преимущества и зачастую складывалась весьма счастливо.

Василий Александрович родился 7 января 1707 г. в Москве. В 1716—1719 гг. обучался в школе для дворянской молодежи в Петербурге. 10 марта 1719 г. зачислен солдатом в Белгородский пехотный полк. В 1726 г. в чине сержанта переведен в Угличский полк. 15 февраля 1727 г. произведен в аудиторы, а через год — в подпоручики и определен в Лефортовский полк.

Военная карьера развивалась успешно, чему, безусловно, способствовало дворянское происхождение молодого офицера. Но 1730 г. привнес в нее качественное изменение. В то время был сформирован новый полк лейб-гвардии — Измайловский, получивший название от Измайлова — любимой резиденции Анны Иоанновны под Москвой. Нащокину повезло быть зачисленным в этот полк адъютантом. Гвардейские чины при Петре I были на два ранга выше одноименных армейских, но в последующие царствования этот разрыв еще более увеличился и не подлежал строгой регламентации. Так служба в гвардии обеспечивала быстрое продвижение по офицерским степеням: гвардейские капитаны при переводе их в армию часто становились полковниками, а майоры — генерал-майорами. Кроме того, Измайловский полк вскоре оказался в исключительно привилегированном положении, поскольку Анна Иоанновна 15 августа 1735 г. объявила себя его полковником вместо своего любимца графа Карла-Густава Левенвольде, незадолго перед тем скоропостижно скончавшегося.

В январе 1737 г. Нащокин был произведен уже в капитан-поручики и командирован в составе сводного гвардейского отряда на войну с турками. 2 июля того же года он участвовал во взятии Очакова, а затем получил ответственное задание: конвоировать в Петербург пленного очаковского коменданта Ягья-пашу со «знатными турецкого войска служителями». 26 октября 1737 г. Нащокин сдал пленных в Петербурге. Но уже 4 ноября получил новый приказ: ехать в Турцию к верховному везиру с письмами Ягья-паши и другими секретными документами. Рассказ о выполнении этого поручения принадлежит к числу самых

занимательных страниц «Записок». Попутно Нащокин сумел выполнить важную разведывательную задачу и в январе 1738 г. получил за свои подвиги чин капитана гвардии.

В кампаниях 1738 и 1739 гг. Нащокин принял участие в качестве командира 3-й роты Измайловского полка. После взятия Хотина 19 августа 1739 г. он в составе гвардейского отряда конвоировал турецких военнопленных в Киев. В ноябре 1739 г. конногвардейская команда и батальоны пехотной гвардии, увенчанные славой победоносной войны, прибыли в Москву. В январе 1740 г. они совершили торжественный марш в Петербург, где 27 числа того же месяца состоялось празднование мира с Турцией. Нащокин был послан от двора с известием о мире в Нижегородскую губернию, где с высочайшего разрешения получил в подарок «за верную службу и храбрые против неприятеля поступки» 1350 рублей.

С января по июль 1741 г. Нащокин производил рекрутский набор в Ярославле. В последующие годы он служил в составе Измайловского полка в Петербурге или Москве — в зависимости от местонахождения двора. Ему удалось завоевать симпатию Елизаветы Петровны, которая нередко оказывала измайловцу знаки своей милости и легко соглашалась на его просьбы. 11 августа 1742 г. императрица и ее племянник крестили старшего сына Нащокина Доримедонта (Воина). Примечательно, что крестный отец Карл-Петр-Ульрих в ту пору сам еще не был миропомазан по православному обряду. Елизавета и раньше охотно крестила детей гвардейцев, особенно до дворцового переворота, но случай с Нащокиным представляется исключительным именно из-за участия в нем юного принца Голштейн-Готторпского, не ставшего еще наследником престола великим князем Петром Федоровичем. Кажется, императрица и ее племянник в этот раз впервые оказались кумовьями. Крещение происходило в придворной церкви Аннингофского дворца, и обряд почтил своим присутствием французский посол Шетарди, старшийся угождать Елизавете Петровне. В целом все вышесказанное может свидетельствовать о том, что уже с 1742 г. Нащокин мог считаться в числе приближенных к государыне.

В конце 1746 — начале 1748 г. Нащокин находился в отпуске в своем имении Шишкино Костромского уезда, а по возвращении в Москву узнал о заочном пожаловании ему чина секунд-майора Измайловского полка. Прибыв затем в Петербург, он лично благодарил Елизавету Петровну, которая расспрашивала его о здоровье. Так мы впервые узнаем, что Василий Александрович страдает от «болезни, которую имеет с давних лет, и временами бывает лучше, а временами тяжелее». Императрица завершила беседу милостивыми словами: «Будь здоров. Я тебе желаю больше чину».

Прожив еще три года, Нащокин 4 марта 1751 г. был «за болезнью отпущен на год в свой дом», затем отпуск был продлен до января 1753 г. 18 декабря того же года Нащокин получил чин генерал-майора, оставаясь при том секунд-майором Измайловского полка. 30 августа 1757 г. он был произведен в генерал-поручики и получил орден

Святого Александра Невского. Летом 1759 г. Нащокин, находясь с частью своего полка в Петергофе, исполнял обязанности генерал-адъютанта императрицы. Во время своего отъезда 4 сентября из Петергофа в Петербург государыня приказала «генерал-поручика Нащокина призвать к карете, причем всемилостивейше ему объявить соизволила свое монаршее удовольствие за бытность его, Нащокина, с командою в Петергофе».

Это последний достоверно известный факт биографии Василия Александровича. «Записки» его обрываются следующим числом — 5 сентября 1759 г. Дата его смерти неизвестна, но можно предположить, что умер он примерно в это же время. Иначе невозможно объяснить, почему он вдруг оставил свое любимое занятие «описания разных происшествий».

«Записки» Нащокина — это дневник, начатый с коротких воспоминаний на основе личных впечатлений, устных рассказов и записей родственников, сведений из официальных источников. Время начала работы автора над его сочинением неизвестно, но можно предположить, что он приступил к «Запискам» после 1730 г., когда был переведен из армии в привилегированный гвардейский полк и получил больше времени для творческих занятий. Дневник гвардейца похож по форме на летопись с погодными разделами, в которых числа и месяцы событий не всегда указаны. Видно, что записи велись нерегулярно: иногда Нащокин по памяти вносил в свой «Журнал достопамятным и нужным запискам» целые блоки сведений за несколько месяцев.

Помимо своих заметок мемуарист использовал тексты опубликованных официальных документов. В первый раз он ссылается на печатную реляцию о торжестве мира со Швецией 22 октября 1721 г. и приводит часть ее в пересказе. С 1747 г. он начинает прикладывать к «Запискам» полные тексты документов, в том числе копии своих писем, печатные ведомости и реляции, вырезки сообщений из газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

Внимание Нащокина обращено преимущественно на события военной службы: передвижения и дислокации войск, парады и маневры описаны им весьма тщательно. В «Записках» содержатся некоторые уникальные факты о русско-турецкой войне 1735—1739 гг., преподнесенные с точки зрения участника событий. Но сообщаемые Нащокиным сведения по истории Северной войны, Персидского похода 1722—1723 гг., русско-шведской войны 1741—1743 гг. и Семилетней войны заимствованы из официальных источников и потому не представляют большой ценности.

Следующий основной комплекс фактического материала включает в себя детали придворной жизни, которые автор хорошо знал, так как по должности своей был обязан охранять императорскую семью и дворцовые помещения. Нащокин повествует о переездах двора, торжествах, увеселениях, приемах, званых обедах и ужинах.

В хронике зарубежных событий автор выделяет неудавшуюся попытку государственного переворота в Швеции летом 1756 г. с целью

восстановления неограниченной монархии, а также покушение на французского короля Людовика XV в январе 1757 г.

В числе прочих событий отметим обстоятельства гибели профессора Г. В. Рихмана при испытании громоотвода 26 июля 1753 г. Собственные рассуждения мемуариста по поводу этого трагического эпизода не так уж интересны, но приведенная им выписка из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» содержит ценные и малоизвестные факты.

Нащокин считал нужным вносить в «Записки» упоминания о стихийных бедствиях: пожарах, наводнениях, небывалом снегопаде, катастрофических нашествиях саранчи. Приводимые факты настолько обстоятельны и достоверны, что невольно хочется поверить в рассказ о «морской женщине», якобы пойманной ютландскими рыбаками в августе 1749 г.

Перечень государственных, военных и придворных событий, природных явлений перемежается со страницами семейной летописи Нащокиных. В отличие от Шаховского, его друг крайне внимателен к своей семье. В «Записках» строго зафиксированы даты рождения, смерти, свадеб, крестин и других событий жизни всех близких родственников Нащокина.

Особый интерес представляют имеющиеся в «Записках» характеристики С. Ф. Апраксина, Дж. Кейта, В. Я. Левашова, К.-Г. Левенвольде, А. И. Румянцева, И. Ю. Трубецкого. Исключительно высоко Нащокин оценивает профессиональные и человеческие качества Кейта и Левенвольде, причем подчеркивает свою беспристрастность. Может быть, читая эти бесхитростные отзывы, современные обличители «иноземного засилия» при Анне Иоанновне наконец усомнятся в своей правоте.

«Записки» В. А. Нащокина полностью опубликованы только один раз в 1842 г. Издавший их археограф и переводчик (впоследствии академик) Д. И. Языков поместил в приложения к тексту дневника те документы, которые Нащокин собрал и присовокупил к своему сочинению. Но отсутствие строгих правил археографии в первой половине XIX века позволило публикатору перемешать нащокинские документы с издательскими комментариями. В настоящем издании «Записки» и авторские приложения к ним восстановлены в своем первоизданном виде.

Я. П. Шаховской и В. А. Нащокин относятся к самому младшему поколению современников Петра I: они начали службу в 1719 г. мальчиками в возрасте 12—14 лет и не успели обратить на себя внимание великого преобразователя. В отличие от них, более старший И. И. Неплюев удостоился чести лично знать Петра Великого и даже принадлежал к числу его любимцев. Иван Иванович родился 5 ноября 1693 г. в старинной, но небогатой дворянской семье. Большое влияние на формирование характера будущего мемуариста оказала его мать — представительница княжеского рода Мышецких, известных своей строгой религиозностью. В 16 лет Неплюев лишился отца, а двумя годами позже женился, как он сам пишет, «по воле матери». Примечательным моментом биографии молодого человека явилось его пребывание в монастыре по какому-то загадочному «обещанию» с ноября 1713 г. по март 1715 г. Сразу же по возвращении оттуда он был вызван на смотр дворянской

молодежи и определен в Новгородскую школу «для обучения основам математики». В том же году его перевели в Нарвскую навигаторскую школу, а затем в Академию морской гвардии в Петербурге, где он обучался полгода. В 1716 г. в числе прочих учеников Неплюев был отправлен в Ревель и определен гардемаринном на один из военных кораблей. Звание гардемарина учредил Петр I, определив его так: «в бою как солдат, в ходу как матрос». В апреле—июле 1716 г. Ревельский флот совершил рейс к берегам Дании — союзницы России в Северной войне. В конце сентября 1716 г. Петр I в Копенгагене занялся распределением гардемариннов для обучения их во Франции, Англии и Венеции. Неплюеву достался последний вариант, и в начале октября он в составе группы из 30 молодых дворян отправился в Амстердам на одном из кораблей голландского флота. Но из-за отсутствия попутного ветра, а также из-за угрозы нападения со стороны шведских кораблей морское путешествие не состоялось; гардемаринны отправились сухим путем из Дании через Гамбург до Амстердама, куда прибыли 27 декабря 1716 г. 8 февраля 1717 г. Неплюев и его товарищи выехали в Венецию, куда прибыли 23 числа того же месяца. В мае русские гардемаринны были зачислены в галерный флот и отправлены в Корфу — венецианскую крепость на одноименном острове Ионического моря у северо-западного берега Греции, входившей в то время в состав Османской империи. Галеры прибыли на эту окраину владений Венецианской республики в ожидании войны с Турцией, начавшейся в июне 1717 г. и продолжавшейся до декабря 1718 г. Неплюев показал себя умелым моряком и отважным солдатом; он отличился в морском сражении 19 июля 1717 г. у порта Пагания, а также при взятии турецких фортов Превезы и Воницы и осаде города Дульциньо (Ульцинь).

В конце февраля 1719 г. гардемаринны возвратились из Корфу в Венецию, а 4 апреля им был объявлен указ Петра I: отправиться в Испанию и поступить на галеры испанского короля Филиппа V. Тайная цель этого решения осталась неизвестна молодым морякам; в «Записках» Неплюева сквозит лишь общее недовольство в связи с невозможностью вернуться на родину после тяжелой и опасной службы в Венеции. В действительности дело было в том, что Петр I под видом обучения гардемариннов навигации вознамерился отправить в Испанию своего двоюродного брата А. Л. Нарышкина, которому поручил прозондировать почву для русско-испанского союза¹⁸. Вскоре из-за усложнившихся внешнеполитических обстоятельств Нарышкин был возвращен с пути, переговоры оказались отложенными, а тем временем верные царскому указу гардемаринны с большим трудом добирались через северо-итальянские и французские города до испанских владений. Лишь 5 июля 1719 г. молодые люди прибыли в место назначения — порт Кадис. Но выяснилось, что исполнить указ Петра I невозможно по той причине, что весь испанский галерный флот ушел на Сицилию, где велась война

¹⁸ Воложж О. В. Испания и российская дипломатия в XVIII веке. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 1997. С. 19.

между Испанией и Австрией. Русские юноши были определены в Королевскую Морскую академию, где занятия их состояли в изучении математики, артиллерии, фехтования, солдатских артикулов и танцев. Эта учеба не могла принести существенной пользы из-за незнания гардемаринами испанского языка. Неплюев вспоминал: «К математике приходили, только без дела сидели, понеже учиться невозможно, для того, что мы их языка не знали». В Венеции молодые люди были заняты действительной и к тому же военной службой; там они слышали славянскую речь, поскольку низшие чины венецианского флота набирались преимущественно из наемников, в том числе югославян и даже беглых русских. А в Кадисской академии, по верному замечанию историка В. Н. Витевского, «люди боевого дела должны были тратить свои силы и время на фехтование и прыжки в танцах». Кроме того, русские ученики находились в крайне тяжелом материальном положении. 10 августа 1719 г. они отправили генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину письмо, в котором жаловались на свое «крайнее убожество»: «первое, что годны, второе, что имеем по одному кафтану, а рубашек и протчего нет». Гардемарины просили Апраксина: «Соизволь доложить его царскому величеству, чтобы нам быть в службе, а не в академии, и определил бы его царское величество жалованьем, чем бы можно нам содержаться». «Ежели мы будем многое число в академии, — подчеркивали гардемарины, — то практику морскую, которую мы приняли, можем забыть, а вновь ничего не присовокупим, понеже танцование и шпажное учение к интересу его царского величества нам не в пользу. Ежели к нам вашего сиятельства милость не явится, истинно, государь, можем от скудости пропасть»¹⁹.

«Слезное моление русских робят» 17 ноября 1719 г. было прочтано в общем собрании членов Адмиралтейской коллегии. Последовало определение выдать гардемаринам жалованье на пропитание и на проезд из Испании в Голландию, а оттуда в Россию.

22 мая 1720 г. Неплюев и его товарищи после пяти лет заграничных мытарств увидели наконец Петербург. 1 июля того же года молодые моряки с разным успехом выдержали в присутствии Петра I тяжелые экзамены, по результатам которых Иван Неплюев, Иван Кайсаров, Иван Кукарин и Иван Алексеев были произведены в лейтенанты галерного флота, а их товарищи получили более низкие чины. Через несколько дней государь приказал Неплюеву состоять при своей особе и назначил его «главным смотрителем и командиром над всеми морскими судами, строящимися в Петербурге». Петр был очень доволен его работой и говорил: «В этом малом путь будет». Но государственные интересы потребовали дать морскому лейтенанту неожиданное и крайне важное поручение.

В начале января 1721 г. Неплюев благодаря знанию итальянского языка был назначен резидентом в Константинополь, где впервые было

¹⁹ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. I. Казань, 1889. С. 41.

учреждено постоянное российское представительство²⁰. 8 сентября 1721 г. новый дипломат прибыл в столицу Османской Порты и очень скоро оказался в центре назревающего конфликта. Во время Персидского похода Петра I столкновение интересов России и Турции в прикаспийских областях едва не привело к войне. В этой тяжелой ситуации Неплюев проявил недюжинные дипломатические способности и деловую активность. Несколько раз война почти уже была объявлена, но твердость и такт российского резидента способствовали снятию напряженности с обеих сторон. Наконец Россия и Турция закончили передвижения своих войск в Прикаспии и приступили к официальному разделу сфер влияния. Вся тяжесть составления Константинопольского договора легла на Неплюева; текст документа неоднократно исправлялся и наконец был подписан 27 июня 1724 г. По этому трактату Россия получила Баку, Дербент, Гилян, Мазандеран и Астрабад.

Более значительных успехов в то время нельзя было и желать, однако сам Неплюев в этом сомневался. Отсылая текст договора в Петербург, он одновременно отправил письма Г. П. Чернышеву и А. И. Остерману с просьбой заступиться за него перед Петром I, если тот будет недоволен. «Богом свидетельствуюсь, — писал он Остерману, — что весь смысл мой употребил сделать его императорскому величеству угодное, но как принято будет, и мог ли я предусмотреть все виды пользы, того не знаю, и сие меня мучит смертельно, и доколе не возьмемо на оное ответа, в страдания останусь».

Вскоре письма и указ из Петербурга положили конец мучениям резидента. Петр I полностью одобрил текст договора, а Неплюева наградил чином морского капитана первого ранга и большими именьями. Примечательно, что умелый дипломат в то же время завоевал полное доверие и уважение в Константинополе: турецкий султан хвалил его при каждом удобном случае, а верховный везир считал себя его другом.

Последующие годы пребывания в Константинополе были для Неплюева относительно спокойными. Помнили о нем и в России. 17 июля 1728 г. Остерман исходатайствовал для него чин капитан-командора галерного флота «за долговременное при дворе турецком пребывание и прилежную и усердную тамо в интересах наших службу». 22 декабря 1730 г. Неплюев был произведен в шаутбенахты — чин, соответствующий контр-адмиралу.

В начале 1730-х годов отношения России и Турции вновь обострились из-за столкновения интересов двух империй в европейских конфликтах и неразрешимых противоречий в Причерноморье и Прикаспии. Как раз к тому времени, в 1732 г., Неплюев заразился какой-то тяжелой болезнью с частыми рецидивами, поэтому с трудом мог исполнять свои обязанности. В помощь ему был прислан бывший российский консул в Кадисе А. А. Вешняков. Между тем силы Неплюева были окончательно истощены болезнью, и это вынудило его 30 декабря 1734 г. «от правления

²⁰ Климанов Л. Г. Первый российский резидент в Константинополе // Вопросы истории. 1979. № 12. С. 176—177.

дел отказаться и на свое место именем ея величества аккредитовать надворного советника Алексея Вешнякова». Вскоре из Петербурга пришел указ, подтверждающий назначение нового резидента и разрешающий Неплюеву вернуться в Россию.

По пути опытный дипломат вынужден был задержаться в Киеве, где вел тайные переговоры с представителями валахов и южных славян, мечтавших освободиться от турецкого гнета и тяготевших к России. В конце 1735 г. он прибыл в Петербург. 30 января следующего года Неплюев был произведен в тайные советники, а 25 марта назначен членом Коллегии иностранных дел.

Тем временем началась русско-турецкая война, в которой Россия действовала в союзе с Австрией. По инициативе венского двора в 1737 г. были предприняты трехсторонние мирные переговоры в Немирове. С российской стороны в конгрессе участвовали П. П. Шафиров, А. П. Волинский и И. И. Неплюев. После недолгой дипломатической полемики турецкая делегация признала требования России невыполнимыми и прервала переговоры. Шафиров и Волинский были отозваны в Петербург, а Неплюев получил задание «поселиться в Киеве и смотреть за делами по заграничной корреспонденции». Это поручение выполнялось им до окончания войны с Турцией, а затем, 3 марта 1740 г., он был назначен киевским губернатором и комиссаром по разграничению земель России и Турции.

Но вскоре Неплюев был вызван в Петербург. Предстояло тяжелое дело, которое, по мнению многих историков, до сих пор омрачает память об этом человеке. В апреле 1740 г. по высочайшему повелению была образована особая комиссия «для исследования вины кабинет-министра Артемия Волинского». В состав ее по желанию А. И. Остермана был включен Неплюев. После предварительного следствия и признания Волинского виновным дело было передано в Тайную канцелярию. Начальник этого учреждения А. И. Ушаков вместе с Неплюевым назначены были непосредственными следователями, именно они допрашивали Волинского с применением пыток и подготовили «изображение» его преступлений на основе следственного материала. 20 июня 1740 г. генеральное собрание в составе 25 высших русских сановников, в числе которых был Неплюев, приговорило Волинского и его друзей к смертной казни мучительными варварскими способами. Анна Иоанновна смягчила приговор: Артемию Петровичу вырезали язык, отрубили правую руку, а затем голову. Двое его единомышленников были обезглавлены, остальные отправлены в ссылку после различных телесных наказаний.

Дело Волинского, решенное в духе переходного времени между варварством и цивилизацией, приобрело широкую известность и породило обильную литературу на эту тему. Тем не менее оно до сих пор представляется до конца не выясненным. Что же касается позиции Неплюева, то она четка выражена в диалоге обвиняемого и следователя, запечатленном в одном из протоколов допроса. Волинский: «Ведаю, что вы графа Остермана креатура, и что со мною имели ссору, пожалуйста, оставьте». Неплюев: «Вы говорите излишнее; партикулярной ссоры я с

вами не имел и не бранивался, а теперь по именному указу определен к суду и должен поступать по сущей правде»²¹. Именно так он и поступал в соответствии с тогдашними понятиями о долге и чести.

По окончании суда над Волинским Неплюев вернулся в Киев и к декабрю 1740 г. завершил порученное ему разграничение земель между Россией и Турцией. В следующем году он был назначен «главным командиром над всей Малороссией» и 30 октября прибыл в бывшую гетманскую резиденцию — г. Глухов. Он не мог предполагать, сколь недолго пробудет на этом важном посту.

3 декабря 1741 г. в Глухов прискакал генерал-кригс-комиссар А. Б. Бутурлин с объявлением о восшествии на престол императрицы Елизаветы Петровны, а также о том, что Неплюев «по высочайшему приказанию отрешается от всех должностей» и вызывается в Петербург. По прибытии в столицу он некоторое время содержался под домашним арестом, поскольку его покровитель А. И. Остерман оказался теперь в числе «государственных преступников». Н. И. Панин, шури Неплюева, рассказывал впоследствии, что член следственной комиссии Н. Ю. Трубецкой пытался притянуть Ивана Ивановича к делу, «говоря, что в нем душа остерманская»²². Неплюев, как благородный человек, и сам не отрекался от Остермана, заявляя, что он — «человек таковых дарований ко управлению делами, каковых мало было в Европе».

Но гроза миновала: в начале 1742 г. Неплюев был призван в императорский дворец и ласково принят новой государыней. Вскоре за тем Иван Иванович получил указ о назначении его командиром Оренбургской экспедиции, то есть наместником почти не освоенного края на юго-восточной границе России. Неплюев должен был привести в надлежащее устройство Башкирию, обезопасить границы протяженностью более чем на тысячу верст, обуздать набеги киргиз-кайсаков и других степных кочевников, расширить торговлю с Азией. Это была по сути завуалированная ссылка, но ученик Петра I готов был самоотверженно служить во имя блага России на самом трудном поприще.

В оренбургских степях Неплюев строил крепости и слободы, привлекал на жительство новое население, улаживал конфликты между русскими и «иноверцами», способствовал развитию торговли с хивинцами, бухарцами, туркменами и другими народами Средней Азии, организовал поиск руд и других полезных ископаемых, покровительствовал строительству металлургических заводов в подведомственном ему крае. В 1744 г. (в «Записках» ошибочно указано, что в 1745) он предложил переименовать Оренбургскую экспедицию в Оренбургскую губернию, на что последовало согласие императрицы с назначением Неплюева губернатором. К новой губернии были присоединены Исетская и Уфимская провинции «со всеми башкирскими делами».

В 1750 г. Неплюев был вызван ко двору для обсуждения предложенных им планов торговли с Индией и пробыл около полутора лет в

²¹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 10. М., 1993. С. 667; Витевский В. Н. Указ. соч. С. 82.

²² Записки Ивана Ивановича Неплюева. СПб., 1893. С. 132.

Петербурге. 25 ноября 1751 г. он был произведен в чин действительного тайного советника и отправился в Оренбург. Важной страницей биографии мемуариста явилось его активное участие в подавлении башкирского бунта под предводительством Батырши в 1755 г. Неплюев сумел организовать даже поимку Батырши, которого отправил в Петербург.

Некоторое время спустя состояние здоровья оренбургского губернатора вынудило его просить об освобождении от должности. В 1758 г. последовало согласие императрицы; Неплюев приехал в Петербург и «был празден» до 16 августа 1760 г., когда получил должности сенатора и конференц-министра в рамках упоминавшейся выше большой кадровой перестановки.

К сожалению, в «Записках» нет сведений о совместной работе Неплюева и Шаховского, но из других источников известно, что они являлись единомышленниками и, в частности, отстаивали права Сената как «высшего государственного места» вопреки диктату Конференции при высочайшем дворе. Совершенно совпадает отношение обоих мемуаристов к наследнику престола Петру Федоровичу, попавшему, по их мнению, под влияние «людей, жаждущих только своей корысти, с повреждением общей пользы и учрежденного законом порядка».

После воцарения Петра III и увольнения Шаховского Неплюев также подал прошение об отставке, но получил отказ. «Бывал я ежедневно у моего двора, но немой, ибо никто уже и мнения моего не требовал», — вспоминал он впоследствии.

Неплюев с радостью встретил известие о дворцовом перевороте 28 июня 1762 г. Отправляясь в Петергоф и Оранienbaum «для утверждения власти», Екатерина II оставила Петербург и своего сына Павла Петровича под ответственность «старшего сенатора» Неплюева. При отъезде императрицы на коронацию в Москву в сентябре того же года ему снова была поручена «главная команда» в столице. Накануне, 31 августа 1762 г., Екатерина II наградила Неплюева орденом Святого Андрея Первозванного.

Летом 1764 г. императрица отправилась в поездку по Остзейскому краю, возложив на Ивана Ивановича привычное уже поручение главноначальствующего в Петербурге. Как раз в это время произошла известная попытка освобождения бывшего императора Иоанна Антоновича подпоручиком В. Я. Мировичем. Неплюев сумел принять надлежащие меры к сохранению порядка в столице. Этот эпизод явился последней яркой страницей в служебной деятельности «птенца гнезда Петрова». В ноябре того же года Иван Иванович вышел в отставку и провел последние годы жизни в своем селе Поддубье Новгородской губернии. Здесь он и скончался 11 ноября 1773 г.

«Записки» Неплюева неоднородны по своему содержанию. Первая их часть состоит в основном из подробного заграничного дневника, который, вне всякого сомнения, вошел в «Записки» в своем первоизданном виде. С момента возвращения гардемарина в Петербург стиль его сочинения меняется: мемуары утрачивают отрывистость и сухость,

становятся более повествовательными, наполняются живой речью Петра I, Г. П. Чернышева, Ф. М. Апраксина и других людей.

Константинопольский период деятельности Неплюева отражен в дневнике весьма слабо: около 20 коротких записей за 14 лет. В этом отрывке сочинения есть примечательный момент, характеризующий принцип работы автора. Неплюев пишет о рождении в 1730 г. дочери Анны, «которая в замужестве Коммерц-коллегии за вице-президентом Луниным», и в 1731 г. сына Николая, «который ныне находится в кадетском корпусе сержантом». Но добросовестный автор не может допустить смешения хронологических пластов «Записок», поэтому специально отмечает: «А сие о нем и о дочери моей приписано 1750 году».

После возвращения Неплюева из Константинополя в Россию его сочинение утрачивает дневниковый характер: записи делаются в основном по годам, причем не за каждый год. С начала 1742 г., по-видимому, прерывается синхронность событий и рассказов о них. Об арестованном А. И. Остермане Неплюев говорит, что «он ныне несчастен», то есть пишет о нем тогда же. Но весь последующий текст мемуаров с момента отъезда в Оренбургскую экспедицию, несомненно, создан значительно позже описываемых событий. Неплюев неточно указывает год образования Оренбургской губернии, не может вспомнить дату смерти своей второй жены. Он рассказывает коротко и обобщенно об активной и разнообразной деятельности в Оренбургском крае и последующем пребывании в Петербурге на посту сенатора. Можно с уверенностью предположить, что события с начала 1742 г. были запечатлены Неплюевым позже, уже в отставке, с помощью преданных друзей и родственников, которые писали под диктовку ослепшего в 1765 г. Ивана Ивановича. В рассказе о первых годах правления Екатерины II вновь прослеживается хронологическая точность: последние деяния «старшего сенатора» были еще свежи в памяти.

Таким образом, «Записки» Неплюева представляют собой неоднородный текст, насыщенный разноплановой информацией с различной степенью подробности. Каждая страница этого произведения по-своему интересна. Любители приключенческого жанра смогут наконец познакомиться с реальными гардемаринами, мало похожими на героев пресловутых сериалов. Дневник Неплюева содержит множество замечательных подробностей о жизни западноевропейских городов, повествует о тяжелой участи русских учеников за границей. Чрезвычайно интересны сведения о работе русского резидента в Константинополе. В то же время примечательно, что Неплюев ни слова не говорит о своем участии в следствии над Волынским и даже не упоминает его имени. Понятно желание автора забыть эту самую мрачную страницу своей биографии.

Мемуары содержат много сведений из семейной хроники, в частности факты жизни и деятельности сыновей Ивана Ивановича — Адриана и Николая, ставших видными государственными деятелями. Первый из них умер молодым, а второй оставался гордостью и отрадой отца до последних часов его жизни. «Записки» заканчиваются письмом-завещанием,

адресованным сыну. В этом документе особенно ощущается величие души и твердость духа последнего сподвижника Петра I.

Фрагменты «Записок» впервые были опубликованы в 1796 г. историком И. И. Голиковым — другом мемуариста. В 1823—1826 гг. произведение Неплюева издавалось частями в журнале «Отечественные записки», но публикация была выполнена с некоторыми сокращениями — отчасти по соображениям цензуры, отчасти по воле издателя. Впервые полный текст мемуаров Неплюева был опубликован Л. Н. Майковым в 1871 г. на страницах журнала «Русский архив», а в 1893 г. это же издание «Записок» было выпущено отдельной книгой. В приложении к мемуарам был помещен яркий рассказ Голикова о Неплюеве, который мы также считаем нужным воспроизвести на страницах этого издания.

Три разных человека, три судьбы, три жизнеописания... И три ценнейших источника по истории нашего Отечества. Авторы публикуемых мемуаров — разные люди, но они схожи в своих основных качествах. Чувство долга и ответственности, упорство в отстаивании государственных интересов, честность и трудолюбие — таковы черты патриотов России, которые не только сохранили и приумножили наследие Петра I, но запечатлели для потомков живые страницы прошлого своей великой страны.

В. Наумов